

Пеппи собирается в путь

Как Пеппи отправляется за покупками

Однажды в веселый весенний день солнце сияло, птички пели, но лужи еще не высохли, Томми и Анника прибежали к Пеппи. Томми захватил с собой несколько кусков сахара для лошади, и они постояли с Анникой минутку на террасе, чтобы похлопать лошадь по бокам и скормить ей сахар. Потом они вошли к Пеппи в комнату. Пеппи еще лежала в постели и спала, как всегда положив ноги на подушку, а голову накрыв одеялом. Анника потянула ее за палец и сказала:

- Вставай!

Господин Нильсон уже давно проснулся и, устроившись на абажуре, раскачивался из стороны в сторону. Прошло некоторое время, прежде чем одеяло зашевелилось и из-под него вылезла рыжая всклокоченная голова. Пеппи открыла свои ясные глаза и широко улыбнулась:

- Ах, это вы щиплете мои ноги, а мне снилось, что это мой папа, негритянский король, проверял, не набила ли я себе мозолей.

Пеппи села на край кровати и стала натягивать чулки - один, как мы знаем, был у нее коричневый, другой - черный.

- Но какие могут быть мозоли, когда носишь такую прекрасную обувь, - сказала она и засунула ноги в свои огромные черные туфли, которые были ровно в два раза больше ее ступней.

- Пеппи, что мы сегодня будем делать? - спросил Томми. - У нас с Анникой сегодня нет занятий в школе.

- Что ж, надо хорошенько подумать, прежде чем принять такое ответственное решение, - заявила Пеппи. - Плясать вокруг рождественской елки мы не сможем, потому что мы это уже делали ровно три месяца назад. Кататься по льду нам тоже не удастся, потому что лед уже давно растаял. Весело было бы, наверное, искать золотые слитки, но где их искать? Чаще всего это делают на Аляске, но там столько золотоискателей, что нам не протолкнуться. Нет, придется что-нибудь другое придумать.

- Да, конечно, но только что-нибудь интересное, - сказала Анника.

Пеппи заплела волосы в две тугие косички - они смешно торчали в разные стороны - и задумалась.

- Я и решила, - сказала она наконец. - Мы сейчас отправимся в город, обойдем все магазины: надо же когда-нибудь заняться покупками.

- Но у нас нет денег, - заметил Томми.

- У меня их куры не клюют, - сказала Пеппи и в подтверждение своих слов подошла к чемодану и открыла его, а чемодан, как вы знаете, был битком набит золотыми монетами.

Пеппи взяла полную горсть монет и высыпала ее в карман.

- Я готова, вот только найду сейчас свою шляпу.

Но шляпы нигде не оказалось. Прежде всего Пеппи бросилась в чулан для дров, но, к ее крайнему удивлению, шляпы там почему-то не было. Потом заглянула в буфет, в тот ящик, куда кладут хлеб, но там лежали только подвязка и сломанный будильник. В конце концов она все же открыла картонку для шляп, но ничего там не обнаружила, кроме завалившегося сухаря, сковородки, отвертки и куска сыра.

- Что за дом! Никакого порядка! Ничего нельзя найти! - ворчала Пеппи. - Но очень удачно, что я обнаружила этот кусок сыра, я давно его ищу.

Пеппи еще раз обвела глазами комнату и крикнула:

- Эй ты, шляпа, ты что, не хочешь пойти со мной в магазин? Если ты сейчас же не появишься, будет поздно.

Но шляпа не появилась.

- Ну что ж, раз ты такая глупая, пеняй на себя. Но потом, чур, не ныть и не обижаться, что я тебя дома оставила, - сказала Пеппи строгим голосом.

И вскоре на шоссе, которое ведет в город, выбежали трое ребят - Томми, Анника и Пеппи с господином Нильсоном на плече. Солнце сияло всюду, небо было голубое-голубое, и дети весело скакали. Но вдруг они остановились: посреди дороги была огромная лужа.

- Какая отличная лужа! - восхитилась Пеппи и радостно зашлепала по воде, которая доходила ей до колен. Добравшись до середины, она стала прыгать, и холодные брызги, словно душ, окатили Томми и Аннику.

- Я играю в паролод! - крикнула она и закружила по луже, но тут же поскользнулась и плюхнулась в воду.- Вернее, не в паролод, а в подводную лодку, - весело поправила она, как только ее голова появилась над водой.

- Пеппи, что ты делаешь, - в ужасе воскликнула Анника, - ты же вся мокрая!

- Что же тут плохого? - удивилась Пеппи. - Где это сказано, что дети обязательно должны быть сухими? Я не раз слышала, как взрослые уверяют, будто нет ничего полезнее холодных обтираний. Тем более что детям запрещают лезть в лужи только у нас в стране. Нам лужи почему-то велят обходить! Вот и разберись, что хорошо, а что плохо! А в Америке все дети так и сидят в лужах, там просто нет ни одной свободной лужи: в каждой полным-полно детворы. И так круглый год! Конечно, зимой они замерзают, и тогда детские головки торчат изо льда. А мамы американских ребятшек приносят им туда фруктовый суп и тефтели, потому что они ведь не могут прибежать домой пообедать. Но уж поверьте, нет здоровее детей на свете - они такие закаленные!

В этот ясный весенний день городок выглядел очень привлекательно - булыжные мостовые на узких кривых улочках сверкали на солнце, а в маленьких палисадничках, которые окружили почти все дома, уже цвели и крокус и подснежник. В городке было много лавок и магазинов, их двери то и дело открывались и закрывались, и каждый раз весело позвякивал колокольчик. Торговля шла бойко: у прилавков толпились женщины с корзинами в руках, они покупали кофе, сахар, мыло и масло. Забегали сюда и дети, чтобы купить себе пряник или пакет жевательной резинки. Но у большинства ребят не было денег, они толпились у заманчивых витрин и только пожирали глазами все прекрасные вещи, которые были там выставлены.

Около полудня, когда солнце светило особенно ярко, Томми, Анника и Пеппи вышли на Большую улицу. С Пеппи все еще стекала вода, и всюду, где она ступала, оставался мокрый след.

- Ой, какие мы счастливые! - воскликнула Анника. - Прямо глаза разбегаются, какие витрины, а у нас целый карман золотых монет.

Томми тоже очень обрадовался, когда увидел, какие чудесные вещи они смогут купить, и даже подпрыгнул от удовольствия.

- Я не знаю, хватит ли у нас на все денег, - заявила Пеппи,- потому что прежде всего я хочу купить себе пианино.

- Пианино? - изумился Томми. - Пеппи, зачем тебе пианино? Ты же не умеешь на нем играть!

- Не знаю, я ведь еще не пробовала, - сказала Пеппи.- У меня не было пианино, поэтому я не могла попробовать. Уверяю тебя. Томми, нужна большая тренировка, чтобы играть на пианино без пианино.

Но витрины, где были бы выставлены пианино, ребятам что-то не попадались, зато они прошли мимо парфюмерного магазина. Там за стеклом стояла огромная банка крема - средство от веснушек,- а на банке пестрели крупные буквы:

"ВЫ СТРАДАЕТЕ ОТ ВЕСНУШЕК?"

- Что там написано? - спросила Пеппи. Она не могла прочесть такую длинную надпись, потому что не хотела ходить в школу.

- Там написано: "Вы страдаете от веснушек?" - прочла вслух Анника.

- Что ж, на вежливый вопрос надо ответить вежливо,- задумчиво сказала Пеппи. - Давайте зайдем сюда.

Она распахнула дверь и вошла в магазин в сопровождении Томми и Анники. За прилавком стояла пожилая дама. Пеппи направилась прямо к ней и сказала твердо:

- Нет!

- Что тебе надо? - спросила дама.

- Нет! - так же твердо повторила Пеппи.

- Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

- Нет, я не страдаю от веснушек, - объяснила Пеппи.

На этот раз дама поняла, но она взглянула на Пеппи и тут же воскликнула:

- Милая девочка, но ты же вся в веснушках!

- Ну да, вот именно, - подтвердила Пеппи. - Но я не страдаю от веснушек. Наоборот, они мне очень нравятся. До свидания!

И она направилась к выходу, но в дверях остановилась и, повернувшись к прилавку, добавила:

- Вот если у вас есть крем, от которого веснушки увеличиваются, можете прислать мне домой семь-восемь банок.

Рядом с парфюмерным магазином находился магазин дамского платья.

- Я вижу, поблизости больше нет интересных магазинов, - сказала Пеппи.- Значит, нам придется зайти сюда и действовать твердо.

И ребята приоткрыли дверь. Первой заглянула Пеппи, за ней в нерешительности топтались Томми и Анника. Но манекен, одетый в голубое шелковое платье, притягивал их как магнит. Пеппи тут же подбежала к даме-манекену и сердечно пожала этой даме руку.

- Как я рада, как я рада с вами познакомиться! - все твердила Пеппи. - Мне ясно, что этот роскошный магазин может принадлежать только самой шикарной даме, как вы. Сердечно, сердечно рада с вами познакомиться, - все не унималась Пеппи и еще более энергично трясла руку манекена.

Но - о ужас! - нарядная дама не выдержала столь сердечного рукопожатия, - рука ее отломилась и выскользнула из шелкового рукава. Томми едва перевел дух от ужаса, а Анника чуть не заплакала. В то же мгновение к Пеппи подлетел продавец и стал на нее кричать.

- Успокойся, - тихо, но твердо сказала Пеппи, когда ей, наконец, надоело слушать его ругань. - Я думала, это магазин самообслуживания. Я хочу купить эту руку.

Такой дерзкий ответ еще больше разозлил продавца, и он заявил, что манекен не продается, но даже если бы и продавался, то все равно купить отдельную руку нельзя и теперь ей придется заплатить за весь манекен, потому что она его сломала.

- Очень странно! - удивилась Пеппи.- Счастье еще, что не во всех магазинах так торгуют. Представьте себе, что я пойду в лавку, чтобы купить кусок мяса и сделать к обеду жаркое, а мясник заявит, что продает только целого быка!

И тут Пеппи небрежным жестом вынула из кармана фартука две золотые монеты и положила их на прилавок. Продавец застыл от изумления.

- Твоя кукла стоит дороже? - спросила Пеппи?

- Нет, конечно, нет, она стоит гораздо дешевле, - ответил продавец и вежливо поклонился.

- Сдачу оставь себе, купи на нее конфеты своим детям, - сказала Пеппи и направилась к выходу.

Продавец провожал ее до самых дверей и все кланялся, а потом спросил, по какому адресу послать манекен.

- Мне не нужна вся кукла, а только эта рука, и ее я унесу с собой, - ответила Пеппи.- Разбери куклу по частям и раздай бедным. Привет!

- Зачем тебе эта рука? - удивился Томми, когда они вышли на улицу.

- Как ты только можешь меня об этом спрашивать! - возмутилась Пеппи.- Разве у людей не бывает вставных зубов, деревянных ног, париков? И даже носы бывают из картона. Почему же я не могу позволить себе роскошь завести искусственную руку? Уверяю тебя, иметь три руки очень удобно. Когда мы с папой еще плавали по морям, то как-то попали в страну, где у всех людей было по три руки. Здорово, правда?! Представляешь себе, сидишь во время обеда за столом, в одной руке вилка, в другой- нож, а тут как раз захочется поковырять в носу или почесать себе ухо. Нет, ничего не скажешь, неглупо придумано иметь три руки.

Вдруг Пеппи умолкла, а минуту спустя сокрушенно сказала:

- Просто странно - вранье так и кипит во мне, рвется наружу, и я не в силах его сдерживать. Честно говоря, вовсе не у всех людей в той стране три руки. У большинства только две.

Она опять умолкла, будто вспоминая, потом продолжила:

- А уж если говорить всю правду, то у большинства там только одна рука. Нет, не буду больше врать, скажу все как есть: у большинства людей в той стране вообще нет рук. и, когда им хочется есть, они ложатся на стол и лакают из тарелок суп, а потом откусывают по кусочку от жаркого. На столе лежит буханка хлеба, и от нее тоже все кусают, кто сколько может. Чесать себя они тоже не могут и вынуждены всякий раз просить своих мам почесать им уши - вот как там обстоит дело, уж если говорить честно.

Пеппи сокрушенно покачала головой.

- Нигде я не видела так мало рук, как в той стране, это уж точно. Какая же я врунья, даже подумать страшно! Всегда я что-нибудь сочиню, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы выделиться; вот и придумала всю эту небылицу про народ, у которого больше рук, чем у других, когда на самом деле у него вообще нет рук.

Пеппи и ее друзья двинулись дальше по Большой улице; под мышкой у Пеппи торчала рука из папье-маше. Дети остановились у витрины кондитерской. Там уже собралась целая толпа ребят. все только слюнки глотали, с восхищением глядя на сласти, выставленные за стеклом: большие банки с красными, синими и зелеными леденцами, длинные ряды шоколадных тортов, горы жевательной резинки и самое

соблазнительное - коробки с засахаренными орехами. Малыши, не в силах оторвать глаз от этого великолепия, время от времени тяжело вздыхали: ведь у них не было ни единого зре.

- Пеппи, давай зайдём сюда,- предложила Анника и нетерпеливо потянула Пеппи за платье.

- Да, мы сюда обязательно зайдём, - заявила Пеппи очень решительно. - Ну, смелей, вперед, за мной!

И дети переступили порог кондитерской.

- Дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, - сказала Пеппи и вынула из фартука золотую монету.

Продавщица рот открыла от изумления. Она никогда еще не видела покупателей, которые брали бы такое количество леденцов.

- Девочка, ты, наверное, хочешь сказать, что тебе надо сто леденцов? - спросила она.

- Я хочу сказать то, что я сказала: дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, - повторила Пеппи и положила на прилавок золотую монету.

И продавщица стала пересыпать леденцы из банок в большие мешки. Томми и Анника стояли рядом и пальцем показывали, из каких банок их сыпать. Оказалось, что не только самые красивые, но и самые вкусные - красные. Если долго сосать такой леденец, то под конец он становится особенно вкусным. Но зеленые, как они убедились, были тоже совсем недурными. А карамельки и тянучки имели свою прелесть.

- Возьмем еще по три кило карамелек и тянучек, - предложила Анника.

Так они и сделали.

В конце концов в лавке не хватило мешков, чтобы упаковать их покупки. К счастью, в писчебумажном магазине продавались огромные бумажные пакеты.

- Вот достать бы мне тачку, чтобы все это увезти.

Продавщица сказала, что тачку можно купить напротив в игрушечном магазине.

Тем временем перед кондитерской собралось еще больше ребят; они видели через стекло, как Пеппи покупает сласти, и чуть не упали в обморок от волнения. Пеппи

сбегала в магазин напротив, купила большую игрушечную тачку и погрузила на нее все свои мешки. Выкатив тачку на улицу, она крикнула толпившимся у витрины ребятам:

- Кто из вас не ест конфет, выходите вперед! Никто почему-то не вышел.

- Странно! - воскликнула Пеппи.- Ну что ж, пусть теперь выйдут вперед те, кто ест конфеты.

Все дети, застывшие в немом восхищении у витрины, сделали шаг вперед. Их оказалось двадцать три.

- Томми, открой, пожалуйста, мешки, - скомандовала Пеппи.

Томми не заставил себя дважды просить. И тут начался такой конфетный пир, которого еще никогда не было в этом маленьком городке. Дети набивали себе рот леденцами- красными, зелеными, такими кисленькими и освежающими, - и карамельками с малиновой начинкой, и тянучками. По всем улицам, выходящим на Большую, бежали дети, и Пеппи едва поспевала раздавать горстями конфеты.

- Нам, пожалуй, придется пополнить запасы, - сказала она, - а то ничего не останется на завтра.

Пеппи купила еще двадцать кило конфет, и все же на завтра почти ничего не осталось.

- А теперь все за мной, у нас есть дела напротив!- скомандовала Пеппи и, перебежав через улицу, смело вошла в игрушечный магазин.

Дети двинулись за ней. В игрушечном магазине оказалось столько интересного, что у всех разбежались глаза: заводные поезда и машины разных моделей, маленькие и большие куклы в чудесных нарядах, игрушечная посуда и пистолеты с пистонами, оловянные солдатики, плюшевые собаки, слоны, книжные закладки и марионетки.

- Что вам угодно? - спросила продавщица.

- Все... Нам угодно, - повторила Пеппи и окинула любопытным взглядом полки. - Мы все страдаем от острой нехватки пистолетов с пистонами и отсутствия марионеток. Но я надеюсь, вы нам поможете.

И Пеппи вынула из кармана полную горсть золотых монет.

И тогда каждый из ребят получил право выбрать себе ту игрушку, о которой давно мечтал. Анника взяла себе великолепную куклу с золотыми локонами, одетую в нежно-розовое шелковое платье; а когда ей нажимали на живот, она говорила "Мама". Томми давно хотелось иметь духовое ружье и паровую машину. И он получил и то и другое. Все остальные ребята тоже выбрали кто что хотел, и, когда Пеппи закончила свои покупки, в магазине почти не оставалось игрушек: одиноко лежали на полке

несколько книжных закладок и пять-шесть "Конструкторов". Себе Пеппи ничего не купила, а господин Нильсон получил зеркальце. Перед тем как уйти, Пеппи купила еще всем по дудке, и, когда дети вышли на улицу, каждый дул в свою дудку, а Пеппи отбивала такт рукой манекена.

Какой-то малыш пожаловался Пеппи, что его дудка не дудит.

- Тут нечему удивляться, - сказала она, осмотрев дудку, - ведь дырочка, в которую надо дуть, залеплена жевательной резинкой! Где ты достал драгоценность? - спросила Пеппи и выковыряла из дудки белый комочек. - Ведь я ее не покупала.

- Я жую ее с пятницы, - прошептал мальчик.

- Честное слово? А вдруг она прирастет к твоему языку? Учти, у всех жевальщиков она куда-нибудь прирастает. На, держи!

Пеппи протянула мальчику дудку, и он задудел так же звонко, как и все ребята.

На Большой улице царило неопишное веселье. Но тут вдруг появился полицейский.

- Что здесь происходит? - крикнул он.

- Парад гвардейцев, - ответила Пеппи, - но вот беда: не все присутствующие понимают, что они участники парада, и поэтому дудят кто во что горазд.

- Немедленно прекратить! - завопил полицейский и зажал уши руками.

- Скажи лучше спасибо, что мы не купили тромбона.

И Пеппи дружески похлопала его по спине рукой манекена.

Один за другим ребята перестали дудеть. Последней замолкла дудка Томми. Полицейский потребовал, чтобы дети немедленно разошлись - он не мог допустить такого скопления народа на Большой улице. Собственно говоря, дети ничего не имели против того, чтобы отправиться домой: им хотелось поскорее пустить по рельсам игрушечные поезда, поиграть с заводными машинами и выкупать новых кукол. Они разошлись веселые и довольные, и никто из них в этот вечер не ужинал.

Пеппи, Томми и Анника тоже направились домой. Пеппи толкала перед собой тачку. Она глядела на все вывески, мимо которых они проходили, и даже читала их по слогам.

- Ап-те-ка - это, кажется, та лавка, где покупают лекарства? - спросила она.

- Да, здесь покупают лекарства, - поправила ее Анника.

- О, тогда нам надо сюда зайти, мне необходимо купить лукарств, да побольше, - сказала Пеппи.

- Да ведь ты здорова, - возразил Томми.

- Что с того, что здорова, а может, я еще заболею, - ответила Пеппи.- Так много людей болеют и умирают только потому, что вовремя не покупают лукарства. И нигде не сказано, что завтра я не свалюсь от самой тяжелой болезни.

Аптекарь стоял у весов и развешивал какие-то порошки. Как раз в ту минуту, когда вошли Пеппи, Томми и Анника, он решил, что пора кончать работу, потому что близился час ужина.

- Дайте мне, пожалуйста, четыре литра лукарства, - сказала Пеппи.

- Какое лекарство тебе надо? - нетерпеливо спросил аптекарь, досадуя, что его задерживают.

- Как какое? Такое, которое лечит от болезней, - ответила Пеппи.

- От каких болезней? - еще более нетерпеливо спросил аптекарь.

- От всех болезней - от коклюша, от вывихнутой ноги, от резей в желудке, от тошноты. Пусть это будут пилюли, но чтобы ими можно и нос мазать. Хорошо бы еще, чтобы они годились бы и мебель полировать. Мне нужно самое лучшее лукарство на свете.

Аптекарь сердито сказал, что такого удобного лекарства не существует и что для каждой болезни есть свое особое лекарство.

Когда Пеппи назвала еще десяток болезней, которые ей надо лечить, он выставил перед ней целую батарею пузырьков, бутылочек и коробочек. На некоторых он написал: "Наружное",- и объяснил, что этим можно только мазать кожу. Пеппи заплатила, забрала свой пакет, поблагодарила и вышла вместе с Томми и Анникой.

Аптекарь взглянул на часы и с радостью убедился, что уже давно пришло время закрывать аптеку. Он запер двери на замок и собрался идти ужинать.

Выйдя на улицу, Пеппи оглядела все лекарства.

- Ой, ой, я забыла самое главное! - воскликнула она.

Но аптека оказалась уже запертой, поэтому Пеппи просунула палец в кольцо висячего звонка и долго-долго звонила. Томми и Анника слышали, какой трезвон поднялся в аптеке. Минуту спустя в двери открылось окошечко - через это окошечко подавали лекарство, если кто-нибудь вдруг заболел среди ночи,- и аптекарь высунул в него голову. Увидев детей, он весь покраснел от гнева.

- Что тебе еще надо? - уже совсем сердито спросил он у Пеппи.

- Прости меня, милый аптекарь, - сказала Пеппи, - но ты так хорошо разбираешься во всех болезнях, что я подумала, ты, наверное, сможешь мне сказать, что нужно делать, когда болит живот: жевать горячую тряпку или лить на себя холодную воду?

Аптекарь был уже не просто красным, а пунцовым - казалось, вот-вот его хватит удар.

- Убирайся вон! - заорал он не своим голосом. - Немедленно убирайся, а не то!.. И он захлопнул окошко.

- Что это он такой сердитый? - удивилась Пеппи. - Разве я сделала что-нибудь плохое?

И Пеппи еще энергичнее затрезвонила. Не прошло и секунды, как аптекарь снова высунул голову в окошечко. Цвет его лица внушал еще более серьезные опасения.

- Я вот думаю, что все же лучше жевать горячую тряпку - это средство помогает безотказно, я много раз проверяла, - начала Пеппи и поглядела ласково на аптекаря, который, не в силах вымолвить ни слова, гневно захлопнул окошечко.

- И говорить со мной не хочет, - сокрушенно заметила Пеппи и пожала плечами. - Что ж, придется самой испробовать оба способа. Вот заболит живот, пожую горячую тряпку и погляжу, поможет ли на этот раз или нет.

Она села на ступеньки у двери аптеки и выстроила в ряд все свои склянки.

- Какие взрослые чудные! - вздохнула она. - Вот у меня - постойте, сейчас сосчитаю, - вот у меня тут восемь пузырьков, и в каждом налито чуть-чуть. А ведь все это легко уместилось бы в одной бутылочке. Сказано - сделано. "Сейчас лукарство мы возьмем, в одну бутылочку сольем," - запела Пеппи, откупорила подряд все восемь пузырьков и слила все в один. Потом она энергично взболтала смесь и, не долго думая, сделала несколько больших глотков. Анника, которая заметила, что на некоторых пузырьках наклеена бумажка с надписью "Наружное", не на шутку испугалась.

- Пеппи, откуда ты знаешь, что это не яд?

- Сейчас еще не знаю, но скоро узнаю, - весело ответила Пеппи.

- Завтра мне будет совершенно ясно. Если я до утра не умру, значит, моя смесь не ядовита и все дети могут ее пить.

Томми и Анника задумались. Наконец Томми сказал неуверенным, упавшим голосом:

- А что, если эта смесь все же окажется ядовитой?

- Тогда вы остатком будете полировать мебель, - ответила Пеппи. - Так что даже если моя смесь окажется ядовитой, мы все равно не зря покупали эти лукарства.

Пеппи положила бутылочку в тачку. Там уже лежала рука от манекена, духовое ружье и игрушечная паровая машина Томми, кукла Анники и огромный мешок, на дне которого перекатывались пять маленьких красных леденцов. Это все, что осталось от тех ста кило, которые купила Пеппи. Господин Нильсон тоже сидел на тачке, он устал и хотел прокатиться.

- А знаете, что я вам скажу? - заявила вдруг Пеппи. - Я уверена, что это очень хорошее лукарство, потому что я чувствую себя куда бодрее, чем раньше. Будь я кошкой, я бы высоко задрала хвост, - заключила Пеппи и побежала, толкая перед собой тачку. Томми и Анника едва поспевали за ней, тем более что у них болел - правда совсем чуть-чуть, - но все же болел живот.

Как Пеппи пишет письмо и идет в школу

- А сегодня, - сказал Томми, - мы с Анникой писали письмо бабушке.

- Ну да, - сказала Пеппи, помешивая что-то в кастрюле ручкой от зонтика. - А я готовлю замечательное блюдо, - и сунула нос в кастрюлю, чтобы понюхать. - "Варить час, все время энергично помешивая, посыпая имбирем и тут же подавать на стол". Так ты говоришь, что вы написали письмо бабушке?

- Ага, - подтвердил Томми, который сидел на сундуке и болтал ногами. - И скоро мы, наверное, получим от бабушки ответ.

- А вот я никогда не получаю писем, - грустно сказала Пеппи.

- Чему тут удивляться, - сказала Анника, - ведь ты и сама тоже никому никогда не пишешь.

- А не пишешь ты потому, - подхватил Томми, - что не хочешь ходить в школу. Нельзя научиться писать, если не ходишь в школу.

- Ничего подобного, я умею писать, - сказала Пеппи. - Я знаю жутко много букв. Фридольф- один из матросов, который плавал на папином корабле, - научил меня буквам. А если мне не хватит букв, то ведь есть еще и цифры. Нет, я прекрасно могу писать, но вот только не знаю, о чем. Что пишут в письмах?

- Кто что, - важно ответил Томми. - Я, например, сперва спросил бабушку, как она себя Явствует, и написал, что я чувствую себя хорошо, потом я написал, какая у нас погода. А потом - что убил в нашем погребе крысу.

Пеппи помрачнела и задумалась.

- Как обидно, что я никогда не получаю писем. Все ребята, все-все получают письма, а я - нет. Так больше продолжаться не может! Раз у меня нет бабушки, которая писала бы мне письма, придется сделать это самой. И немедленно.

Она открыла дверцу печи и заглянула в топку.

- Тут у меня должен лежать карандаш, если не ошибаюсь.

В печке и в самом деле лежал карандаш. Потом она оттуда же вытащила большой лист бумаги и уселась за кухонный стол. Пеппи наморщила лоб, и вид у нее стал очень озабоченный. - Теперь не мешайте, - сказала она, - я думаю!

Томми и Анника решили тем временем поиграть с господином Нильсоном. Они стали одевать его и раздевать. Анника даже попыталась уложить его на зеленую кукольную кроватку, в которой он обычно спал по ночам: Томми будет доктором, а господин Нильсон - больным ребенком. Но обезьянка вскочила с постели и в два прыжка очутилась на лампе, зацепившись за нее хвостом. Пеппи оторвала глаза от письма.

- Глупый господин Нильсон, - сказала она, - никогда еще ни один больной ребенок не висел вниз головой, зацепившись хвостом за лампу. Во всяком случае, не у нас в Швеции. А вот в Южной Африке, я слыхала, так лечат детей. Как только у малышей поднимается температура, их подвешивают вниз головой к лампам, и они преспокойно себе раскачиваются, пока не поправятся. Но мы ведь не в Южной Африке.

В конце концов Томми и Аннике пришлось оставить господина Нильсона в покое, и тогда они решили заняться лошадью: уже давно было пора ее как следует почистить скребницей. Лошадь очень обрадовалась, когда увидела, что дети вышли к ней, на террасу. Она тут же обнюхала им руки, чтобы выяснить, не принесли ли они сахара. Сахара у ребят не оказалось, но Анника тут же сбегала на кухню и вынесла оттуда два куса рафинада.

А Пеппи все писала и писала. Наконец письмо было готово. Только вот конверта не нашлось, но Томми не поленился принести ей конверт из дому. Марку он тоже принес. Пеппи написала на конверте свое полное имя и фамилию: "Фрекен Пеппилотта Длинныйчулок, вилла "Курица".

- А что написано в твоём письме? - спросила Анника.

- Откуда я знаю, - ответила Пеппи, - я ведь его еще не получила.

И тут как раз мимо дома прошел почтальон.

- Бывают же такие удачи, - сказала Пеппи, - встречаешь почтальона как раз в ту минуту, когда тебе необходимо получить письмо.

Она выбежала ему навстречу.

- Будь добр, отнеси это письмо Пеппи Длинныйчулок, - сказала она. - Это очень срочно.

Почтальон поглядел сперва на письмо, потом на Пеппи.

- Разве ты не Пеппи Длинныйчулок? - удивился он.

- Конечно, я. А кем же мне еще быть? Уж не царицей ли абиссинской?

- Но почему же ты тогда сама не возьмешь себе это письмо? - спросил почтальон.

- Почему я не возьму себе это письмо сама? - переспросила Пеппи. - Что же; по-твоему, теперь я должна сама доставлять себе письма? Нет, это уж слишком. Каждый сам себе почтальон. А зачем же тогда бывают почты? Тогда уж проще их тут же все закрыть. В жизни я еще не слышала ничего подобного! Нет, дорогой, если ты так будешь относиться к своей работе, то никогда не станешь почтмейстером, это я тебе точно говорю.

Почтальон решил, что лучше с ней не связываться и сделать то, о чем она его просила. Он подошел к почтовому ящику, который висел рядом с калиткой, и опустил в него письмо. Не успело письмо упасть на дно ящика, как Пеппи с невероятной поспешностью его вытащила.

- Ой, я просто умираю от любопытства, - сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. - Подумать только, я получила письмо!

Все трое ребят устроились на ступеньках террасы, и Пеппи распечатала конверт. Томми и Арника читали через ее плечо. На большом листе было написано:

ЖДРАСТВУЙ ПЕППИ

ПЕШУ-СПЕШУ

ТЫ НАДЕЮСЬ НЕ БОЛЬНА И СДОРОВА КАК КОРОВА

КАК ПОЖИВАЕТ ТВОЯ СЕМЬЯ

СВЕТИТ СОЛНЦЕ

ВЧЕРА-УРА ВИДЕЛА ТОММИ

ПЕШИ ОТВЕТ АТ ПЕППИ

ПРИВЕТ

- Вот, - с торжеством сказала Пеппи, - в моем письме написано то же самое, что ты писал своей бабушке, Томми. Значит, это настоящее письмо. Я запомню каждое слово на всю жизнь.

Пеппи аккуратно сложила письмо, снова засунула его в конверт, а конверт положила в один из бесчисленных ящичков старого большого секретера, который стоял у нее в гостиной. Одним из самых интересных занятий на свете было, по мнению Томми и Анники, рассматривать сокровища, которые Пеппи хранила в этих ящичках. Время от времени Пеппи дарила своим друзьям что-нибудь из этих бесценных вещей, но запас их, видно, никогда не иссякал. Во всяком случае, - сказал Томми, когда Пеппи спрятала письмо, - ты сделала там дикое количество ошибок.

- Да, ты должна пойти в школу и научиться получше писать, - поддержала Анника брата.

- Нет уж, благодарю покорно, - ответила Пеппи, - я как-то провела целый день в школе. И за этот день в меня впихнули столько знаний, что я до сих пор не могу прийти в себя.

-А у нас через несколько дней будет экскурсия, - сказала Анника, - пойдет весь класс.

- Вот ужас-то, - воскликнула Пеппи и от огорчения укусила себя за косу, - просто ужас! И я не могу пойти с вами на экскурсию только потому, что не хожу в школу? Разве это справедливо? Люди думают, что можно обижать человека только за то, что он не ходит в школу, не знает таблицы умножения.

- Умножения, - поправила Анника.

- А я говорю - помножения.

- Мы пройдем пешком целую милю. Прямо по лесу, а потом будем играть на полянке, - сказал Томми.

- Просто ужас! - повторила Пеппи. На следующий день погода была такая теплая и солнце светило так ярко, что всем детям в этом городке было очень трудно усидеть за партами. Учительница широко распахнула все окна, и свежий весенний воздух ворвался в класс. Перед школой росла большая береза, а на ее верхушке сидел скворец и пел до того весело, что и Томми, и Анника, и все ребята слушали только его пение и совсем забыли, что $9 \times 9 = 81$.

Вдруг Томми прямо подскочил на месте от изумления.

- Смотрите, фрекен! - воскликнул он и показал на окно. - Там Пеппи.

Взгляды всех тут же устремились туда, куда показал Томми. И в самом деле, высоко на березе сидела Пеппи. Она оказалась почти у самого окна, потому что ветви березы упирались в наличники.

- Привет, фрекен, - крикнула она, - привет ребята!

- Добрый день, милая Пеппи, - ответила фрекен. - Тебе что-нибудь надо, Пеппи?

- Да, я хотела попросить, чтобы ты мне кинула в окно немного помножения, - ответила Пеппи. - Совсем чуть-чуть, только чтобы пойти с твоим классом на экскурсию. А если вы нашли какие-нибудь новые буквы, то кинь их мне тоже.

- Может, ты на минутку зайдешь к нам в класс? - спросила учительница.

- Нет уж, дудки! - твердо сказала Пеппи и уселась поудобнее на суку, прислонившись спиной к стволу. - В классе у меня кружится голова. Воздух у вас так загустел от учености, что его можно резать ножом. Слушай, фрекен, - в голосе Пеппи зазвучала надежда, - может, немного этого ученого воздуха улетит в окно и попадет в меня? Ровно столько, сколько надо, чтобы ты мне разрешила пойти вместе с вами на экскурсию?

- Вполне возможно, - сказала фрекен и продолжала урок арифметики.

Детям было очень интересно глядеть на Пеппи, сидящую на березе. Ведь все они получили от нее конфеты и игрушки в тот день, когда она ходила по магазинам. Пеппи, конечно, как всегда взяла с собой господина Нильсона, и ребята умирали со смеху, глядя, как он прыгал с ветки на ветку. В конце концов обезьяне надоело скакать по березе, и она сиганула на подоконник, а оттуда одним прыжком взвилась на голову Томми и начала теревить его за волосы. Но тут учительница сказала Томми, чтобы он снял обезьяну с головы, потому что Томми как раз надо было разделить 315 на 7, а это невозможно сделать, если у тебя на голове сидит обезьяна и теревит тебя за волосы. Во всяком случае, уроку это мешает. Весеннее солнце, скворец, а тут еще Пеппи с господином Нильсоном - нет, это уж чересчур...

- Вы что-то совсем поглупели, ребята, - сказала учительница.

- Знаешь что, фрекен? - крикнула Пеппи со своего дерева. - Честно говоря, сегодняшний день совершенно не подходит для помножения.

- А мы проходим деление, - сказала фрекен.

- В такой день, как сегодня, вообще нельзя заниматься никаким "еньем", разве что "веселеньем".

- А ты можешь мне объяснить, - спросила учительница, - что это за предмет "веселенье"?

- Ну, я не так уж сильна в "веселенье", - смущенно ответила Пеппи и, зацепившись ногами за сук, повисла вниз головой, так что ее рыжие косички почти касались травы. - Но я знаю одну школу, где ничем, кроме "веселенья", не занимаются. Там так и написано в расписании: "Все шесть уроков - уроки веселенья".

- Ясно, - сказала учительница. - А где находится эта школа?

- В Австралии, - ответила Пеппи не задумываясь, - в поселке у железнодорожной станции. На юге.

Она снова села на ветку, и глаза ее заблестели.

- Что же бывает на уроках "веселенья"? - поинтересовалась учительница.

- Когда что, - ответила Пеппи, - но чаще всего урок начинается с того, что все ребята выпрыгивают через окно во двор. Потом они с дикими воплями снова врываются в школу и скачут по партам, пока не выбиваются из сил.

- А что говорит учительница? - снова поинтересовалась фрекен.

- Ничего не говорит, она тоже прыгает вместе со всеми, но только хуже остальных. Когда нет больше сил прыгать, ребята начинают драться, а учительница стоит рядом и их подбадривает. В дождливую погоду все дети раздеваются и выбегают во двор - они скачут и танцуют под дождем, а учительница играет на рояле марш, чтобы они скакали в такт. Многие даже становятся под водосточную трубу, чтобы принять настоящий душ.

- Интересно, - сказала учительница.

- Знаете, как интересно! - подхватила Пеппи. - Это такая замечательная школа, одна из лучших в Австралии. Но это очень далеко отсюда.

- Догадываюсь, - сказала учительница. - Во всяком случае, в нашей школе тебе так весело никогда не будет.

- В этом-то вся беда, - сокрушенно сказала Пеппи. - Если бы я могла надеяться, что мы будем бегать по партам, я бы, пожалуй, решилась и зашла бы на минутку в класс.

- Ты еще успеешь набегаться, когда пойдешь на экскурсию, - сказала учительница.

- Ой, а вы меня правда возьмете? - воскликнула Пеппи и на радостях перекувырнулась на суку. - Я обязательно напишу об этом в ту школу, в Австралию. Пусть они не хвалятся своим "веселеньем", экскурсия - это все равно куда интереснее.

Как Пеппи участвует в школьной экскурсии

По дороге все ужасно шумели - гроыхали башмаками, смеялись, болтали без умолку. Томми тащил рюкзак, Анника была в новом ситцевом платье. Вместе с ними шагали учительница и все ребята из класса, кроме одного мальчика, у которого заболело горло как раз в тот день, когда надо было отправляться на экскурсию. А впереди всех, верхом на лошади, скакала Пеппи. На спине у нее примостился господин Нильсон, в руке он сжимал маленькое зеркальце и все время пускал солнечных зайчиков. Как он обрадовался, когда ему удалось направить зайчика прямо в глаза Томми!

Аника была твердо уверена, что сегодня непременно пойдет дождь. Она ни капельки в этом не сомневалась и заранее злилась. Но, представьте себе, Аника ошиблась, им повезло - солнце сияло всюду. Сердце у Анники так и прыгало от радости, когда она шагала по дороге в своем новеньком с иголочки платье. И остальные дети радовались не меньше ее. По обочинам рос щавель и желтели целые поля одуванчиков. Ребята решили, что на обратном пути каждый нарвет по пучку щавеля и по большому букету одуванчиков.

- Прекрасный, прекрасный, прекрасный день! - пропела Аника и даже вздохнула, поглядев на Пеппи, которая, словно генерал, сидела на лошади, высоко подняв голову.

- Да, так хорошо мне не было с тех пор, как я сражалась с боксерами-неграми в Сан-Франциско, - сказала Пеппи. - Хочешь прокатиться?

Аника, конечно, хотела, и Пеппи посадила ее перед собой. Но тогда все ребята тоже захотели прокатиться верхом. И они стали кататься, строго соблюдая порядок. Правда, Аника и Томми все же сидели на лошади немножко дольше остальных. Потом, когда одна девочка стерла себе ногу, Пеппи посадила ее перед собой, и она уже до конца экскурсии не слезла с лошади, а господин Нильсон держал ее за косу.

Лес, куда они шли, назывался Чудесный лес, потому что там на самом деле было чудесно. Когда они почти добрались до места, Пеппи вдруг спрыгнула с седла, хлопала лошадь по бокам и сказала:

- Ты так долго нас всех везла и, наверно, устала. Не может быть такого порядка, что одни все время везут, а другие все время едут.

И она подняла лошадь своими сильными руками и понесла ее на небольшой лужок в лесу, где учительница велела всем остановиться.

- Пусть в этом Чудесном лесу начнутся какие-нибудь чудеса, - воскликнула Пеппи, оглядевшись вокруг, - и мы посмотрим, какое из них самое чудесное.

Но учительница объяснила ей, что в лесу никаких чудес не будет. Пеппи была очень разочарована.

- Чудесный лес без чудес! - воскликнула она. - Какая чепуха! Это все равно, что рождественская елка без рождества или пожарная машина без пожара. Глупость, да и только! А скоро еще выдумают кондитерские магазины без пирожных и конфет. Но уж этого-то я не допущу. Что ж, если здесь чудес ждать не приходится - придется нам самим делать чудеса.

И Пеппи издала такой оглушительный крик, что учительница заткнула уши, а несколько девочек не на шутку испугались.

- Давайте играть в чудовище! - крикнул Томми и от радости захлопал в ладоши. - Пеппи будет чудовищем!

Все нашли, что это прекрасная мысль. "Чудовище" тут же спряталось в пещере, потому что чудовища живут в пещерах, а ребята прыгали вокруг и дразнили его:

- Чудовище, разозлись! Чудовище, покажись! И тогда "чудовище" вылезало из своей пещеры и гналось за ребятами, которые разбежались во все стороны. Тех, кого "чудовище" ловило, оно уводило в пещеру, чтобы сварить себе на обед. Но когда "чудовище" снова принималось охотиться, пленники удирали и взбирались на огромные валуны, хотя это было и нелегко, ведь держаться приходилось за маленькие уступы, и всякий раз казалось, что некуда поставить ногу. Удирать так было немного страшно, но все считали, что никогда еще они так интересно не играли. А учительница тем временем лежала на траве, читала книгу и только изредка поглядывала на ребят.

- В жизни еще не видела такого дикого чудовища, - сказала она сама себе.

И, наверное, она была права. "Чудовище" прыгало и скакало, схватив всякий раз не меньше трех-четырех ребят, взваливало их себе на спину и тащило в пещеру. А иногда оно с дикими воплями взбиралось на высоченную сосну и прыгало там с ветки на ветку, словно обезьяна; потом вдруг оно вскакивало на лошадь и гналось за стайкой ребят, которые пытались укрыться за деревьями; лошадь скакала галопом, "чудовище" наклонялось, на скаку хватало детей, сажало их перед собой и мчалось с быстротой ветра назад к пещере с криком:

- Сейчас я сварю из вас обед!

Все это было так увлекательно и весело, что дети ни за что не хотели кончать игру. Но вдруг воцарилась тишина, и, когда Томми и Анника подбежали, чтобы посмотреть, в чем дело, они увидели, что "чудовище" сидит на камне и печально рассматривает что-то лежащее у него на руках.

- Смотрите, он умер, совсем умер, - пробормотало "чудовище".

На ладони "чудовища" лежал мертвый птенчик. Видно, он выпал из гнезда и разбился насмерть.

- Ой, как жалко! - воскликнула Анника. "Чудовище" кивнуло.

- Не плачь, Пеппи, - сказал Томми.

- Я плачу? Да ты что, рехнулся? - возмутилась Пеппи. - Я никогда не плачу.

- А глаза у тебя красные, - не унимался Томми.

- Красные? - задумчиво сказала Пеппи и взяла у господина Нильсона зеркальце. - Да разве это красные?! Сразу видно, что ты не был в Батавии. Там живет один старик с такими красными глазами, что полиция запрещает ему выходить на улицу.

- Почему? - удивился Томми.

- Потому что когда он выходит на перекресток, все движение останавливается, его принимают за светофор. А ты говоришь, у меня красные глаза. Нет, как ты мог подумать, что я плачу из-за какого-то птенца!

- Чудовище, разозлись, чудовище, покажись! - вопили ребята, удивленные тем, что "чудовище" так долго не показывается.

"Чудовище" осторожно взяло птенчика и положило на мох.

- Как бы я хотела тебя оживить, - сказала "чудовище" и горько вздохнуло, а потом, издав дикий рев, кинулось догонять ребят.

- Вот сейчас я вас поймаю и сварю из вас обед! - кричало "чудовище".

А ребята, визжа от восторга, кинулись в кусты.

В этом классе была одна девочка, звали ее Улла, которая жила совсем близко от этого леса. Мама Уллы разрешила ей пригласить к себе после прогулки учительницу, и всех ребят, и Пеппи, конечно, тоже. Она пригостила для всех в саду фруктовый сок и холодный компот. Когда дети довольные наигрались в "чудовище", когда им надоело пускать лодочки из коры в больших лужах и прыгать с высоких валунов, Улла решила, что пора вести всех к себе, чтобы там отдохнуть и выпить сока и холодного компота. Учительница тоже успела прочесть свою книгу и считала, что настало время идти к Улле. Она собрала ребят, и все вышли из лесу.

На дороге им повстречалась лошадь, запряженная в телегу с мешками, уложенными в несколько рядов. Мешки, видно, были очень тяжелые, а лошадь была старая и измученная. И тут, как на грех, колесо угодило в выбоину. Возница, которого звали Блумстерлунд, страшно разозлился. Он считал, что во всем виновата лошадь, схватил

кнут и стал со всего маху стегать ее по спине. Лошадь рванулась, напряглась. Видно было, что она из последних сил пытается вытянуть телегу, но безуспешно. Блумстерлунд ярился все больше и больше и хлестал все больнее и больнее. Когда учи- тельница это увидела, она вышла из себя от негодования и жалости.

- Не смей бить это бедное животное! - крикнула она Блумстерлунду.

Блумстерлунд так удивился, что кнут на секунду застыл у него в руках. Потом он сплюнул и сказал:

- А ты не суй нос, куда не просят. А то, чего доброго, я и тебя протяну этим кнутом.

Он снова сплюнул и пуще прежнего принялся хлестать лошадь. Несчастное животное дрожало мелкой дрожью. Вдруг от группы детей отделилась маленькая фигурка. Это была, конечно, Пеппи. Нос у нее побелел- верный признак того, что она очень сердится, Томми и Анника это отлично знали. Она бросилась прямо на Блумстерлунда, обхватила его руками и стала подкидывать в воздух, она ловила его на лету и снова кидала - три раза, четыре раза, пять, шесть раз... Блумстерлунд не мог понять, что с ним происходит.

- Караул! Помогите! - вопил он, полумертвый от страха. В последний раз она его не поймала, и он грузно плюхнулся на дорогу. Кнут у него, конечно, давно выпал из рук.

Пеппи стояла над ним, упершись руками в бока.

- Ты больше никогда не будешь бить лошадь! - строго сказала она. - Никогда! Понятно? Помню, как-то раз в Капстаде мне тоже повстречался парень, который бил лошадь. Он был одет в новенькую красивую форму, и я сказала ему, что если он еще хоть раз ударит свою лошадь, я его так вздую, что его форма превратится в лохмотья. И подумай, неделю спустя я снова его встречаю, и он снова у меня на глазах бьет лошадь. Небось, до сих пор жалеет о своей форме.

Блумстерлунд, растерянный, сидел посреди дороги, не в силах подняться.

- Куда ты везешь эти мешки? - спросила Пеппи.

Блумстерлунд испуганно показал на дом, до которого было уже не очень далеко.

- К себе. Я там живу, - объяснил он. Тогда Пеппи распрягла лошадь, которая все еще дрожала от усталости и страха.

- Успокойся, бедняжка, - ласково сказала Пеппи, обращаясь к лошади. - Сейчас все образуется.

С этими словами Пеппи подняла лошадь и понесла ее на конюшню. Видно, таким образом дела лошадь была удивлена не меньше, чем Блумстерлунд.

Ребята и учительница стояли на дороге и ждали возвращения Пеппи. И Блумстерлунд стоял- он никак не мог понять, что к чему, и в смущении почесывал затылок. Он не знал, как ему отнестись к происходящему. Но тут вернулась Пеппи. Она взяла один из огромных тяжелых мешков и навалила Блумстерлунду на спину.

- Ну-ка посмотрим, - сказала она, - как ты с этим справишься? Работать кнутом ты мастер, а вот как насчет мешков?

Пеппи подобрала валяющийся на дороге кнут.

- Собственно говоря, надо было бы тебя подстегнуть этим кнутиком, ты же его так любишь, - сказала она. - Но, по-моему, этот кнут никуда не годится, он весь измочалился. - Говоря это, Пеппи оторвала от него кончик. - Да, старье, совершенно негодный кнут, - заключила она и сломала кнутовище пополам.

Блумстерлунд тащил мешок ни слова не говоря. Слышно было только, как он пыхтит от натуга. Тогда Пеппи подхватила оглобли и покатила телегу к дому Блумстерлунда.

- Доставка бесплатная, - заявила она, ставя телегу под навес. - Для меня это одно удовольствие. За полет по воздуху я с тебя тоже ничего не возьму. Ясно?

Она повернулась и пошла. Блумстерлунд еще долго стоял у своего дома и глядел ей вслед.

- Да здравствует Пеппи! - закричали ребята, когда она вернулась к ним на дорогу. Учительница тоже была очень довольна ее поведением и похвалила ее.

- Ты хорошо поступила, - сказала учительница. - С животными надо всегда обращаться ласково, и с людьми, конечно, тоже.

Пеппи села на свою лошадь, вид у нее был очень довольный.

- Конечно, я была очень добра к Блумстерлунду: столько раз кидала его в воздух и ничего за это с него не взяла, - заявила Пеппи.

- Для этого мы и родились на свет, - продолжала учительница. - Мы живем для того, чтобы делать людям добро.

Пеппи выжала стойку на спине лошади и принялась болтать в воздухе ногами.

- Я-то живу только для этого! - крикнула она. - А другие люди, интересно, для чего они живут?

В саду у Уллы стоял большой накрытый стол. На блюдах лежало столько булочек и пряников, что у всех детей потекли слюнки, и они, торопясь и толкаясь, расселись на

стоящих вокруг стульях. Пеппи села одной из первых и тут же запихала себе в рот две булочки. Щеки у нее стали совсем шарообразные.

- Пеппи, надо подождать, пока тебя угостят, самой брать нельзя, - укоризненно сказала ей учительница.

- Не надо суетиться из-за меня, - с трудом выговорила Пеппи, потому что рот у нее был набит. - К чему эти церемонии?

Как раз в эту минуту к Пеппи подошла мама Уллы. В одной руке она держала кувшин с соком, в другой - чайник с какао.

- Сок или какао? - спросила она у Пеппи.

- И сок и какао, - ответила Пеппи. - Для одной булочки сок, а для другой - какао.

И без всякого смущения Пеппи взяла из рук мамы Уллы кувшин и чайник и выпила из каждого по большому глотку.

- Она всю жизнь провела на море, на корабле, - объяснила учительница маме Уллы, которая с изумлением и недоумением глядела на девочку.

- Тогда все понятно, - сказала мама Уллы и решила больше не обращать внимания на поведение Пеппи. - Вот пряники, - сказала она и протянула Пеппи блюдо.

- Да, в самом деле, это похоже на пряники, - сказала Пеппи и громко рассмеялась своей шутке. - Правда, они у вас получились по форме не очень красивыми, но надеюсь, на их вкусе это не отразилось, - сказала она и взяла столько пряников, сколько могла удержать в руках. Но тут она увидела, что на другом блюде лежит очень вкусное на вид печенье, но блюдо стояло далеко от нее. Тогда она дернула господина Нильсона за хвост и сказала ему:

- Эй ты, господин Нильсон, беги на тот конец стола и принеси мне печенья. Для начала возьми три штуки.

Господин Нильсон не заставил себя дважды просить и весело поскакал по столу. Стаканы запрыгали, и сок расплескался на скатерть.

- Я надеюсь, ты сыта, - сказала мама Уллы, когда Пеппи, выйдя из-за стола, подошла к ней, чтобы ее поблагодарить.

- Нет, не сыта, да и пить еще хочется, -- ответила Пеппи и почесала себе ухо.

- Мы вас угостили всем, что у нас было, - ответила мама Уллы.

- Никогда не поверю, что вы себе ничего не оставили, - дружелюбно возразила Пеппи.

Услышав этот разговор, учительница решила поговорить с Пеппи о том, как надо себя вести.

- Послушай, милая Пеппи, - начала она ласково, - ты хотела бы, когда вырастешь, стать настоящей дамой?

- Носить вуалетку и иметь три подбородка? - спросила Пеппи.

- Да нет, я хочу сказать, дамой, про которую говорят, что у нее хорошие манеры, что она прекрасно воспитана. Неужели ты не хочешь стать настоящей дамой?

- Это мне надо обдумать, - ответила Пеппи. - Понимаешь, фрекен, я ведь решила, когда вырасту, стать морской разбойницей. - Пеппи задумалась. - Как ты считаешь, фрекен, я могу быть сразу и морской разбойницей и настоящей дамой?

Но учительница считала, что это нельзя совместить.

-- Ой, что же мне тогда выбрать, как мне решить, что лучше? - простонала Пеппи. Вид у нее был несчастный.

Тогда учительница сказала, что какой бы жизненный путь Пеппи ни выбрала, ей никогда не помешает умение вести себя в обществе. Во всяком случае, она должна знать, что вести себя так, как она вела себя сегодня за столом, нельзя.

- Но ведь так трудно знать, Как Надо Себя Вести, - вздохнула Пеппи. - Ты можешь мне сейчас сказать основные правила поведения?

Учительница охотно выполнила ее просьбу, и Пеппи слушала ее с явным интересом: в гостях, оказывается, нельзя брать за раз больше одной булочки или одного пряника, нельзя есть с ножа, нельзя чесаться, когда разговариваешь со взрослыми, - короче, нельзя делать того и нельзя делать этого.

Пеппи понимающе кивала.

- Придется мне каждое утро вставать на полчаса раньше и тренироваться, что можно делать и чего нельзя, - сказала Пеппи со вздохом, - чтобы я могла быть настоящей дамой, если передумаю стать морской разбойницей.

Недалеко от учительницы на траве сидела Анника. Она о чем-то думала и ковыряла в носу.

- Анника, что ты делаешь? - строго сказала ей Пеппи. - Помни, что настоящая дама ковыряет в носу, только когда этого никто не видит.

Но тут учительница взглянула на часы и сказала, что пора идти домой. Все дети поднялись и стали парами. Только Пеппи продолжала сидеть на траве. Лицо ее было сосредоточенно, словно она к чему-то прислушивалась.

- Что случилось, милая Пеппи? - спросила учительница.

- Скажи, фрекен, - с тревогой в голосе спросила Пеппи, - у настоящей дамы может урчать в животе?

Она сидела молча, и выражение ее лица оставалось таким же сосредото- ченным.

- Если у настоящей дамы быть этого не может, - сказала она вдруг, - то, пожалуй, мне стоит тут же принять окончательное решение стать морской разбойницей.

Как Пеппи идет на ярмарку

И вот открылась ярмарка. В маленьком тихом городке, где жила Пеппи, каждый год обязательно бывала ярмарка, и всякий раз дети себя не помнили от радости. В эти дни городок выглядел необычно; разукрашенные флагами дома, толпы людей на улицах, на Главной площади, выросшие, как грибы, за одну ночь ларьки, в которых можно купить самые удивительные вещи. Повсюду царили оживление и такая веселая суматоха, что даже просто выйти из дому было интересно. Но самым заманчивым были расположенные рядом с тиром балаганы и аттракционы. Театр, карусель, качели и, главное, зверинец. Представляете себе, зверинец со всевозможными дикими зверями: тиграми, гигантским удавом, обезьянками и морскими львами! Можно было подолгу стоять у забора зверинца и слушать жуткий рев и диковинное ржанье, каких прежде никогда не доводилось услышать, а если ты раздобыл несколько монет, то можно было пройти туда, к клеткам, и увидеть все эти чудеса своими глазами.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что в день открытия ярмарки у Анники, завтракавшей на кухне, от нетерпения дрожали бантики, а Томми давился бутербродом с сыром. Мама спросила детей, не хотят ли они вместе с ней отправиться на ярмарку. Но Томми и Анника, несколько смутившись, сказали, что если мама не обидится, то они предпочли бы пойти туда с Пеппи.

- Сама понимаешь, что с Пеппи все получается интересней, - говорил Томми Аннике, когда они бежали к вилле "Курица".

Анника не могла с ним не согласиться. Пеппи была уже готова к выходу, она стояла на кухне и ждала своих друзей. Она нашла, наконец, свою большую соломенную шляпу, которая все же оказалась в чулане для дров.

- Я забыла, что я ее на днях носила, - сказала Пеппи и надвинула шляпу на глаза. - Ну как я вам нравлюсь? Хороша, да?

Да, с этим Томми и Анника не могли не согласиться. Пеппи подвела брови углем и намазала красной краской ногти и губы. На ней было платье до пят, с большим вырезом на спине, в котором виднелся красный лифчик. Из-под платья торчали ее огромные черные туфли, но и они выглядели празднично: Пеппи приделала к ним зеленые помпоны - Пеппи носила эти помпоны в особо торжественных случаях.

- Я считаю, что, когда идешь на ярмарку, надо выглядеть как настоящая дама, - заявила она и пошла по дорожке, подражая, насколько ей это удавалось в ее огромных туфлях, походке городских модниц. Она придерживала край волочившейся юбки и каждую минуту произносила не своим голосом, явно подражая кому-то:

- Очаровательна! Просто очаровательна!

- Кто это "очаровательна"? - удивился Томми.

- Как кто? Я, конечно, - с довольным видом ответила Пеппи.

Томми и Анника не стали спорить - на ярмарке, по их мнению, все очаровательно. Они весело проталкивались в толпе на рыночной площади от одного лотка к другому и с увлечением разглядывали все те сокровища, которые там разложены. Пеппи подарила Аннике в память о ярмарке красный шелковый платок, а Томми - фуражку с козырьком, такую, о которой он дав- но мечтал, но никак не мог выпросить у мамы. В другом ларьке Пеппи купила два стеклянных колокольчика с крошечными цыплятами из розового и бе- лого сахара.

- Ой, какая ты милая, Пеппи! - прошептала Анника и прижала свой колокольчик к груди.

- Ну конечно, я просто очаровательна, - подхватила Пеппи, придерживая край юбки, чтобы не упасть.

Людской поток направлялся к балаганам. Пеппи, Томми и Анника присоединились к толпе.

- До чего же здорово, - восторженно воскликнул Томми, - играет шар- манка, вертится карусель, все вокруг шумят и смеются!

У тиров было особенно оживленно - каждому ведь охота показать свою меткость.

- Давайте подойдем поближе, посмотрим, как стреляют, - заявила Пеппи и потащила за собой Томми и Аннику.

Неприятная женщина, которая выдавала ружья, поглядела на подошедших детей и тут же отвела глаза, решив, что они недостойны ее внимания. Но Пеппи, ничуть не смутившись, с большим интересом разглядывала мишень- нарисованного на листе картона смешного старика в синей куртке с шароподобным лицом и очень красным

носом. Вот в нос-то как раз и надо было попасть. А если не в нос, то хотя бы в лицо - все остальное считалось промахом.

Дети не уходили, а хозяйка тира все больше злилась: ей нужны были клиенты, которые стреляли бы и платили, а не эти трое бездельников.

- Вы что, прилипли, что ли? Что вы здесь делаете? - зло спросила она наконец.

- Как - что? Гуляем по площади и грызем орехи, - с серьезным видом ответила Пеппи.

- Нечего здесь торчать без толку да глазеть! - закричала женщина, окончательно выйдя из себя.

Как раз в эту минуту к тире подошел новый клиент - холеный господин средних лет, с золотой цепью посреди живота. Он взял ружье и с видом знатока взвесил его в руках.

- Для начала - десять выстрелов, - заявил он с важным видом, - только для пристрелки.

Он огляделся вокруг, чтобы увидеть, есть ли зрители. Но в этот момент никого, кроме Пеппи, Томми и Анники, поблизости не оказалось.

- Ну, хоть вы, дети, поглядите, что значит классный стрелок. На меня стоит посмотреть!

С этими словами он поднес ружье к плечу. Первый выстрел - мимо, второй - тоже, третий и четвертый - тоже не попал. Пятая пуля угодила в подбородок картонному старику.

- Да разве это ружье? Рухлядь какая-то, а не ружье, - пробормотал раздосадованный господин и гневно бросил его на прилавок.

Тогда Пеппи взяла ружье и прицелилась.

- Попробую-ка я свои силы, - скромно сказала она. - Если не попаду, поучусь у дяди.

Панг, панг, панг, панг, панг! Пять пуль подряд уложила Пеппи картонному старику прямо в нос, потом сунула хозяйке тира золотую монету и пошла дальше.

Карусель вертелась так весело, что Томми и Анника, подойдя поближе, от восторга запрыгали на месте. Дети сидели на черных, белых или рыжих конях с настоящими гривами, которые развевались на ветру, и кони эти выглядели совсем как настоящие, к тому же на них были седла и сбруя. И коня можно было выбирать по своему вкусу. Пеппи купила билетов на целую золотую монету - их оказалось так много, что она едва засунула их в свой большой кошелек.

- Если бы я прибавила еще монету, они дали бы мне целый рулон билетов, - сказала она Томми и Аннике, которые ее ждали в сторонке.

Томми облюбовал себе черную лошадь, а Анника - белую, господина Нильсона Пеппи посадила тоже на черную, которая выглядела особенно дико. Господин Нильсон тут же стал перебирать ей гриву, ища, видимо, блох.

- Как, господин Нильсон тоже будет кататься на карусели? - с удивлением спросила Анника.

- А почему же его лишать такого удовольствия? - в свою очередь удивилась Пеппи. - Если бы я знала, что здесь карусель, я взяла бы с собой и свою лошадь, ей ведь тоже нужно какое-нибудь развлечение. А лошадь, катающаяся на лошади, - что может быть веселее?

Тут Пеппи вскочила на рыжую лошадь, и секунду спустя карусель завертелась, а шарманка заиграла: "Вспомни наше детство и те веселые забавы..."

Кататься на карусели - это просто замечательно, так считали Томми и Анника. У Пеппи тоже был очень довольный вид: она стояла на голове, упираясь руками в седло, и болтала ногами, а ее длинное платье сбивалось ей вокруг шеи. Люди, проходившие мимо, видели только кончики рыжих косичек, зеленые штанишки и длинные тонкие ноги Пеппи в разных чулках: на одной ноге - коричневый чулок, на другой - черный, причем ноги весело мотались взад-вперед.

- Вот как настоящие дамы катаются на каруселях! - заявила Пеппи после первого круга.

Дети не слезали с карусели полчаса, и в конце концов Пеппи призналась, что у нее закатываются глаза и что она видит не одну карусель, а целых три.

- Мне теперь трудно решить, на какой из этих трех каруселей надо кататься, поэтому, чтобы не ломать себе голову, нам лучше, пожалуй, пойти дальше, - сказала она.

Но у Пеппи осталась еще целая куча неиспользованных билетов, и она раздала их детям, которые толпились вокруг, но не могли кататься, потому что у них не было денег.

Возле балагана стоял молодой парень и выкрикивал:

- Торопитесь, торопитесь! Наше представление начнется ровно через пять минут. Торопитесь, а то опоздаете. Захватывающая драма под названием: "Убийство графини Авроры, или Кто притаился в кустах?"

- Если кто-то в самом деле притаился в кустах, то надо поскорее выяснить, кто же это, - заявила Пеппи. - Пошли, Томми и Анника!

- Не могу ли я купить билет за полцены? - спросила она у кассирши в непонятном приступе скупости. - А я обещаю смотреть представление только одним глазом.

Но кассирша почему-то и слышать не хотела о таком предложении.

- Я что-то не вижу ни кустов, ни притаившихся там людей, - проворчала Пеппи, когда она вместе с Томми и Анникой села в первом ряду перед закрытым занавесом.

- Так ведь представление еще не началось, - объяснил Томми.

Но тут как раз раздвинули занавес, и на сцену вышла графиня Аврора. Подойдя к рампе, она стала ломать руки и разными жестами изображать свою печаль. Пеппи следила за ней с огромным интересом.

- У нее наверняка случилось какое-то горе, - шепнула Пеппи Аннике. - А может быть, просто расстегнулась английская булавка, и она ее колет.

Но скоро выяснилось, что у графини Авроры и в самом деле случилось горе. Она закатила глаза и стала сетовать:

- Какая я несчастная! Какая я несчастная! Нет никого на свете несчастнее меня! Детей у меня отняли, муж таинственным образом исчез, а сама я окружена мошенниками и бандитами, которые хотят меня убить.

- Ах, как ужасно это слышать! - воскликнула Пеппи, и у нее покраснели глаза.

- Ах, лучше бы мне умереть! - не унималась графиня Аврора.

Тут Пеппи разразилась рыданиями.

- Милая тетя, прошу тебя, не убивайся так! - крикнула она, не переставая всхлипывать.
- Все еще может исправиться: дети твои, может быть, найдутся, и замуж ты можешь еще раз выйти. Ведь столько есть на свете женихов, - утешала ее Пеппи сквозь слезы.

Но тут появился директор театра (это он стоял у входа в балаган и зазывал публику перед началом представления), подошел на цыпочках к Пеппи и шепнул ей, что, если она не будет сидеть тихо-тихо, ей придется уйти из зала.

- Хорошо, я постараюсь молчать, - обещала Пеппи и вытерла глаза.

Спектакль был на редкость захватывающий. От волнения Томми беспрестанно вертелся на месте и теребил свою фуражку, а Анника была не в силах разжать руки. Глаза Пеппи блестели, она ни на мгновение не могла отвести их от графини Авроры. А дела у бедной графини складывались все хуже и хуже. Не чуя опасности, пошла она погулять в сад. Но тут вдруг раздался вопль. Это Пеппи оказалась не в силах

сдерживать своего ужаса - она увидела, что за деревом притаился какой-то тип, вид которого не внушал ничего хорошего. Графиня Аврора тоже услышала какое-то подозрительное шуршание, потому что она спросила с испугом в голосе:

- Кто притаился там, в кустах?

- Это я тебе сейчас скажу, - живо отозвалась Пеппи, - там стоит какой-то ужасный парень, вид у него опасный, и у него огромные черные усы. Беги скорей домой и запишись получше.

Но тут театральный директор подлетел к Пеппи и сказал, чтобы она немедленно покинула зал.

- Ни за что на свете я не уйду! - воскликнула Пеппи. - Как, ты хочешь, чтобы я бросила несчастную графиню Аврору в такую трудную минуту?! Да ты меня не знаешь!

Тем временем на сцене продолжалось действие. Парень с черными усами, спрятавшийся за деревом, вдруг бросился вперед и схватил графиню Аврору.

- Пришел твой последний час, - злобно прошипел он сквозь зубы.

- Это мы еще посмотрим, ее ли последний час пришел или твой, - завопила Пеппи и одним прыжком очутилась на сцене.

Она схватила парня с усами за шиворот и швырнула его в ложу, обливаясь от волнения слезами.

- Как ты только мог броситься на несчастную графиню, - всхлипывала она, - что она тебе такого сделала? Подумай только, что детей у нее уже отняли и муж куда-то пропал. Она ведь совсем одинока!

Тут Пеппи подошла к графине, которая почти без чувств опустилась на садовую скамейку.

- Ты можешь прийти ко мне и жить в моем домике, сколько захочешь, - сказала Пеппи, чтоб ободрить графиню.

Громко рыдая, Пеппи вышла из театра вместе с Томми и Анникой. Вслед за ними выскочил театральный директор и погрозил им кулаком. Но люди в зале хлопали в ладоши - они, видно, считали, что это был очень хороший спектакль.

Пеппи вытерла лицо подолом своего платья и сказала:

- Что же, теперь надо нам немножко повеселиться, так много горя вынести трудно.

- Пойдем в зверинец, - предложил Томми, - мы еще там не были.

Сказано - сделано. Но прежде Пеппи подошла к ларьку и купила шесть бутербродов и три стакана лимонада.

- От слез у меня всегда разыгрывается страшный аппетит, - сказала она.

В зверинце было на что посмотреть: там стоял слон, в одной клетке ходили два тигра, в другой расположились морские львы, которые перекиды- вали друг другу мяч, в третьей прыгали обезьяны, в четвертой притаилась гиена, а в огромном ящике с решеткой свернулись два удава. Пеппи сразу же поднесла господина Нильсона к клетке с обезьянами, чтобы он смог повидаться со своими родичами. Ближе всех сидел старый печальный шимпан- зе.

- Поздоровайся с ним как следует, господин Нильсон, - сказала Пеппи, - я думаю, что это троюродный дядя твоего внучатого племянника.

Господин Нильсон снял свою соломенную шляпу и почтительно отвесил поклон, но старый шимпанзе не удостоил его ответным приветствием.

Каждый час из ящика вынимали удавов, и прекрасная фрейлейн Паула, укротительница змей, выходила на эстраду и демонстрировала удавов публике. Ребятам повезло: они попали как раз на такое представление. Анника очень боялась змей, поэтому она все время держала Пеппи за руку. Фрейлейн Паула взяла из рук служителя огромного удава и повесила его вокруг своей шеи как боа.

- Это, должно быть, змея-боа, - пояснила Пеппи Томми и Аннике. - Интересно, а другая какой породы?

Не долго думая, Пеппи подошла к ящику и вынула вторую змею. Она оказалась еще больше и еще ужаснее первой. Пеппи повесила ее себе на шею, точь-в-точь, как это сделала фрейлейн Паула. Все присутствующие в зверинце закричали от ужаса. Укротительница быстро засунула свою змею в ящик и кинулась к Пеппи, чтобы попытаться спасти ее от верной смерти.

Змея, которую Пеппи повесила себе на шею, испугалась и рассердилась, ей не нравился шум вокруг, и она решительно не понимала, почему

ей нужно висеть на шее у маленькой рыжей девочки, а не у фрейлейн Паулы, к которой она привыкла. Поэтому она решила проучить эту дерзкую рыжеволосую девчонку, чтобы ей неповадно было зря тревожить почтенных змей, и она сжимала кольцо тем движением, которого достаточно, чтобы задушить быка.

- Брось, пожалуйста, свои старые уловки, со мной это не пройдет, - сказала Пеппи, - я видела змей пострашнее тебя, можешь мне поверить. В Восточной Индии.

Своими сильными руками она сняла с шеи змею и отнесла ее в ящик. Томми и Анника дрожали от ужаса, на них не было лица.

- Это тоже змея-боа, - заявила Пеппи и нагнулась, чтобы застегнуть подвязку на чулке.
- Я так и думала.

Фрейлейн Паула долго ругалась на каком-то незнакомом языке, а все, кто был в зверинце, с облегчением вздохнули. Но они вздохнули преждевременно, потому что это явно был день, когда случались самые невероятные вещи.

Собственно говоря, никто не знал, как все это произошло. Перед этим тигров кормили большими кусками кровавого мяса. Потом служитель проверил, хорошо ли заперта дверь клетки. И вдруг минуту спустя раздался душераздирающий крик:

- Тигр вырвался на волю!

И в самом деле, посреди зверинца стоял огромный тигр, готовый к прыжку. Люди, давя друг друга, повалили к выходу. Но одна маленькая девочка растерялась и очутилась одна в углу, прямо перед тигром.

- Стой спокойно!

- Не двигайся с места!

- Не шелохнись!

Голоса из толпы давали ей наперебой советы, но никто из решался прийти ей на помощь. Люди надеялись, что тигр ее не тронет, если она не двинется с места.

- Что же делать? Как ей помочь? Люди в отчаянии ломали руки, но никто не смел к ней подойти.

- Надо позвать полицию, - предложил кто-то.

- Давайте вызовем пожарных!

- Надо вызвать Пеппи Длинныйчулок, - заявила Пеппи и вышла из толпы.

Пеппи села на корточки в двух метрах от тигра и стала его манить:

- Кис-кис-кис!

Тигр зарычал ужасающим образом и показал свои белые клыки. Пеппи погрозила ему пальцем.

- Если ты меня укусишь, - сказала она, - то и я тебя укушу, можешь в этом не сомневаться. Тигр прыжком подскочил к ней.

- Я вижу, с тобой нельзя договориться по-хорошему, - сказала Пеппи и отшвырнула от себя тигра.

Тигр снова зарычал, да так грозно, что у всех присутствующих мороз прошел по коже, и снова кинулся на Пеппи. Всем было ясно, что он норовит схватить ее за горло.

- Как ты себя плохо ведешь, - укоризненно сказала ему Пеппи. - Но помни, это ты начал задираться, а не я!

И Пеппи ловким движением схватила тигра, зажала ему одной рукой пасть и потащила в клетку, напевая при этом песенку:

- "Видели ли вы мою кошечку, мою милую, милую кошечку?"

Вся толпа с облегчением вздохнула, а маленькая- девочка, которая ни жива ни мертва стояла только что против тигра, кинулась к маме и сказала, что никогда больше не пойдет в зверинец.

Тигр сильно порвал Пеппи платье. Пеппи поглядела на развевающиеся лохмотья и спросила:

- Есть у кого-нибудь ножницы? У фрейлейн Паулы оказались ножницы, она давно уже перестала сердиться на Пеппи.

- Ты очень мужественная девочка, - сказала она и протянула Пеппи ножницы.

Пеппи взяла ножницы и, не долго думая, обрезала свое платье выше колен.

- Ну вот, теперь все в порядке, - сказала она с довольным видом, - теперь я еще элегантнее: я дважды в день меняю туалет.

И она пошла такой церемонной походкой, что при каждом шаге у нее коленка стучалась о коленку.

- Очаровательна, как всегда очаровательна, - говорила она о самой себе.

Все, кто пришел повеселиться на ярмарку, думали, что больше уже не будет ужасных происшествий и им удастся, наконец, спокойно провести время. Но они ошиблись. Видно, на ярмарке никогда не бывает спокойных минут. Вздох облегчения, который только что издала толпа, оказался преждевременным.

В этом маленьком городке жил один лодырь. Он был очень сильный, а работать не хотел. Все дети в городке его очень боялись. Собственно говоря, не только дети, но и

все взрослые тоже. Даже полицейский старался свернуть с дороги, если ему попадался Лабан в боевом настроении. Правда, он был страшен только тогда, когда он выпьет много пива. Но это случалось с ним часто, и, уж конечно, в день ярмарки без этого обойтись не могло. И вот он появился на Большой улице. Он шел шатаясь, что-то все время выкрикивал и угрожающе размахивал руками.

- Прочь с дороги, да поживей! - кричал он. - Все прочь! Идет сам Лабан!

Люди испуганно расступались, жались к стенам домов, а многие дети даже ревели от страха. А полицейских и след простыл. Лабан направился прямо к ярмарочным лоткам. На него и в самом деле было страшно смотреть: длинные нечесанные черные волосы свисали на лоб, огромный нос был пунцово-красным, а во рту зловеще поблескивал золотой зуб. Люди, которые расступились при его появлении, думали, что он куда опаснее тигра.

У одного лотка стоял сухонький старичок и торговал колбасой. Лабан подошел к нему, ударил кулаком по лотку и закричал:

- Гони колбасу, да поживей! Я ждать не привык.

- Эта колбаса стоит двадцать пять эре, - смиренно сказал старик.

- Ты что мне о цене, ты мне товар подавай! - орал Лабан. - Разве ты не видишь, что за покупатель к тебе пришел? Гони колбасу, тебе говорят, да поживей! Добавь еще одну!

Старик робко сказал, что он хотел бы получить деньги за то, что Лабан уже взял. Тогда Лабан схватил старика за ухо и закричал, окончательно выйдя из себя:

- Гони колбасу и не разговаривай! Живо! Старик не решился послушаться грозного Лабана. Но люди, стоящие вокруг, неодобрительно ворчали про себя. Нашелся даже один храбрец, который сказал:

- Как тебе не стыдно так обращаться с бедным стариком! у

Лабан обернулся и уставился своими налитыми кровью глазами на безумного храбреца.

- Тут, кажется, кто-то хочет помериться со мной силой? - спросил он.

Все испугались и решили, что лучше разойтись.

- Стойте! - заорал на толпу Лабан. - Первого, кто двинется с места, я сотру в порошок! Я приказываю: стоять смирно и глядеть на меня! Лабан намерен показать вам небольшое представление.

И, переходя от слов к делу, хулиган схватил с лотка охапку колбас и стал ими жонглировать. Он кидал их в воздух и ловил ртом, руками, но большинство падало просто на землю. Несчастный старик, торговавший этой колбасой, чуть не плакал. И тут от молчаливой толпы отделилась маленькая фигурка.

Пеппи стояла перед Лабаном.

- Чей это мальчишка так плохо себя ведет? - спросила она язвительно. - Что скажет твоя мама, когда увидит, что ты раскидал свой завтрак.

Лабан зарычал от бешенства:

- Разве я не приказал всем стоять смирно?

- А ты всегда так орешь, что тебя слышно за границей? - поинтересовалась Пеппи. Лабан сжал кулаки и завопил:

- Девчонка, неужели мне придется превратить тебя в лепешку?

Пеппи стояла, упершись руками в бока, и с интересом смотрела на Лабана.

- Что ты делал с колбасой? Ты ее вот так кидал?

И Пеппи подхватила Лабана и подкинула его высоко в воздух и стала им жонглировать, как он - колбасой. А все люди, стоявшие вокруг, вопили от восторга. Старик колбасник хлопал в ладоши и хохотал.

Когда Пеппи надоело жонглировать и она отпустила Лабана, вид у него был уже совсем другой. Он сидел на земле у ее ног и растерянно озирался вокруг.

- Теперь, я думаю, тебе пора отправиться домой, - сказала Пеппи, обращаясь к хулигану.

Лабан был готов на все.

Но прежде чем уйти, ты должен заплатить за колбасу, - сказала Пеппи. - Разве ты забыл, что надо платить за то, что ты купил?

Лабан послушно вынул кошелек и заплатил за всю колбасу, которую раскидал. Потом он побрел прочь, ни слова не говоря. И после этого дня он стал тише воды, ниже травы.

- Да здравствует Пеппи! - кричала толпа на ярмарочной площади.

- Да здравствует Пеппи! Ура! - кричали Томми и Анника.

- Нам не нужны полицейские, раз у нас живет Пеппи, - крикнул кто-то из толпы. - Пеппи Длинный чулок лучше всех полицейских!

- Правда! Правда! - поддержали его многие голоса. - Она с одинаковой легкостью справляется со змеями, тиграми и хулиганами.

- Нет, без полицейских все же нельзя в городе, - возразила Пеппи. - Надо же кому-нибудь следить, чтобы машины стояли там, где им положено.

- О, Пеппи, какой ты была прекрасной! - с восхищением сказала Анника, когда дети шли домой с ярмарки.

- Конечно, я очаровательна, очаровательна! - подтвердила Пеппи и дернула платье, которое теперь не закрывало колен. - Одно слово - очаровательна!

Как Пеппи терпит кораблекрушение

Каждый день сразу же после школы Томми и Анника бежали к Пеппи. Даже уроки они не хотели учить дома, а брали учебники и отправлялись заниматься к Пеппи.

- Очень хорошо, - сказала Пеппи, когда дети вошли к ней со своими книгами. - Делайте здесь уроки, может быть, немного учености и в меня войдет. Не могу сказать, чтобы я так уж страдала от недостатка знаний, но, может, действительно нельзя стать Настоящей Дамой, если не знаешь, сколько готтентотов живет в Австралии.

Томми и Анника примостились за кухонным столом и принялись учить географию. Пеппи села прямо на стол, поджав под себя ноги.

- Ну ладно, - сказала Пеппи и, сморщившись, почесала кончик носа, - а вдруг я возьму да выучу наизусть, сколько этих самых готтентотов живет в Австралии, а потом один из них схватит воспаление легких и умрет, и тогда что же, все мои труды пропадут даром, а я все равно не стану Настоящей Дамой?

Пеппи помолчала, углубившись в свои мысли.

- Надо приказать всем готтентотам, чтобы они береглись от простуды, а то в нашей книжке получится ошибка... В общем, так, - сказала она наконец, - учить все это не имеет никакого смысла.

Когда Томми и Анника кончали учить уроки, начиналось веселье. Если погода была хорошая, ребята играли в саду, или катались на лошади, или забирались на крышу сарая и пили там кофе, или прятались в дупле старого дуба. Пеппи говорила, что это самый прекрасный дуб на свете, потому что на нем растет лимонад.

И правда, всякий раз, когда ребята залезали на дерево, они находили в дупле три бутылки лимонада, которые словно их ждали. Томми и Анника никак не могли понять, куда же девались пустые бутылки, но Пеппи уверяла, что они засыхают и падают на землю, как осенние листья. Да что и говорить, дуб этот был необыкновенный, так считал Томми, и Анника тоже. Иногда на нем вырастали и шоколадки, но почему-то всегда только по четвергам, и Томми и Анника заранее радовались, что скоро будет четверг и они" наверняка сорвут с веток по шоколадке. Пеппи говорила, что если хорошенько поливать дуб, то на нем начнут расти не только французские булки, но и телячьи отбивные.

Когда шел дождь, ребята оставались в доме, и это тоже было очень интересно. Они всегда находили себе занятие, одно увлекательнее другого: можно было - уже в который раз! - рассматривать замечательные сокровища, которые были спрятаны в ящиках старинного секретера, а можно было сидеть у печки и глядеть, как ловко Пеппи печет вафли и яблоки, а можно было забраться в дровяной сарай и слушать увлекательные истории о тех временах, когда Пеппи плавала со своим отцом по морям и океанам.

- Вы представить себе не можете, какой в тот день был жуткий шторм, - рассказывала Пеппи. - Даже все рыбы заболели морской болезнью и мечтали поскорее выбраться на сушу. Я сама видела акулу, которая просто позеленела от головокруженья, а одна каракатица всеми своими щупальцами держалась за лоб - так ей было дурно. Да, такие штормы нечасто случаются!

- А ты, Пеппи, не боялась? - спросила Анника.

- Ведь вы могли потерпеть кораблекрушение? - подхватил Томми.

- Ну, в кораблекрушение я попадала столько раз, что они меня совсем не пугают. Ни капельки. Я не испугалась даже тогда, когда шквальный ветер выдул весь изюм из фруктового супа - мы как раз сидели и обедали - и даже когда от следующего порыва улетели вставные зубы изо рта кока. Но когда я увидела, как дикий ураган выдул кота из его шкуры и голым, словно освеженным, понес по воздуху прямо на Дальний Восток, то мне все же стало слегка не по себе.

- А у меня есть книга, которая называется "Робинзон Крузо", там тоже рассказывается про кораблекрушение.

- Да, это очень интересная книга, - подхватила Анника, - про то, как Робинзон после кораблекрушения попал на необитаемый остров.

- А ты, Пеппи, ты ведь столько раз терпела кораблекрушение, неужели ты ни разу не попадала на какой-нибудь необитаемый остров? - спросил Томми и уселся поудобней, чтобы слушать новый рассказ.

- Еще бы, - возмутилась Пеппи, - никто не терпел таких кораблекрушений, как я, куда там вашему Робинзону! Я думаю, что на Атлантическом и Тихом океанах едва ли найдется с десятков островов, на которые я не высаживалась бы после кораблекрушений. Я думаю, что все они отмечены на туристских картах.

- Как, наверное, замечательно оказаться на необитаемом острове! - воскликнул Томми. - Как бы мне хотелось попасть на необитаемый остров хоть на несколько днейков.

- Нет ничего проще, - сказала Пеппи. - Необитаемых островов там как собак нерезанных.

- Да я и сам знаю один необитаемый остров очень недалеко отсюда.

- На море? - спросила Пеппи.

- На озере, - сказал Томми.

- Прекрасно, - обрадовалась Пеппи, - потому что, если бы этот остров был на земле, он бы нам не подошел.

Томми был просто в восторге.

- Мы попадем на необитаемый остров! - кричал он. - Мы очень скоро окажемся на настоящем необитаемом острове!

Как раз через три дня у Томми и Анники начинались летние каникулы, а их мама и папа должны были на несколько дней уехать. Короче - лучшего случая поиграть в робинзонов не найти.

- Чтобы потерпеть кораблекрушение, - сказала Пеппи вдруг, - надо для начала иметь корабль.

- А у нас его нет, - печально вздохнула Анника.

- Я видела неподалеку старую затопленную лодку, - заявила Пеппи.

- Ну, она ведь уже потерпела кораблекрушение, - заметила Анника.

- Тем лучше, - сказала Пеппи, - значит, у нее есть кой-какой опыт.

Поднять со дна эту затонувшую лодку было для Пеппи делом пустяковым. Целый день она провозилась потом на берегу, паклей заделывая в ней дырки и заливая их смолой. Дождливым утром она нашла в чулане подходящую доску, взяла топор и смастерила два хороших весла. А тут как раз школьников распустили на каникулы, а родители Томми и Анники уехали.

- Мы вернемся через два дня, - сказала, уезжая, мама. - Обещайте мне вести себя хорошо, быть послушными и делать все так, как вам скажет Элла.

Элла - это домашняя работница, и ей поручили присмотреть за детьми, пока папа и мама будут в отъезде. Но как только дети остались одни с Эллой, Томми сказал:

- Элла, тебе незачем за нами присматривать, ведь мы все равно будем все время проводить у Пеппи.

- Мы сами можем за собой присмотреть, - заявила Анника, - ведь Пеппи сама за собой смотрит и прекрасно с этим справляется, почему же нас на два дня нельзя оставить в покое?

Элла, конечно, ничего не имела против того, чтобы оказаться свободной на два дня, а Томми и Анника так долго к ней приставали, умоляя оставить их одних, что в конце концов Элла не выдержала их натиска и согласилась съездить домой навестить мать. Конечно, дети должны были ей торжественно обещать, что будут есть и спать как полагается и не будут выбегать по вечерам, не надев теплых свитеров. Томми заявил, что обещает надевать сразу дюжину теплых свитеров, только бы Элла поскорее уехала.

Так все и получилось. Элла отправилась к себе домой в деревню, а два часа спустя Пеппи, Томми, Анника, лошадь и господин Нильсон отправились на необитаемый остров.

Стоял пасмурный, но теплый для начала лета день. Путешественникам предстоял довольно длинный путь до того места, откуда был виден необитаемый остров. Пеппи несла лодку, держа ее на вытянутых руках над головой. На спину лошади она навьючила огромный мешок и палатку.

- А что в мешке? - спросил Томми.

- Еда, оружие и одеяла, да еще пустая бутылка, - объяснила Пеппи. - Я думаю, что на первый раз нам лучше потерпеть удобное кораблекрушение. Когда мне случалось прежде терпеть кораблекрушение, я подстреливала ка- кую-нибудь антилопу или ламу и ела сырое мясо, но у нас не получится, потому что на этом острове вряд ли есть антилопы или ламы, а умереть там с голоду было бы просто смешно.

- А зачем ты взяла пустую бутылку? - удивилась Анника.

- Ты меня еще спрашиваешь, зачем я взяла пустую бутылку? Что за глупый вопрос? Конечно, для кораблекрушения важнее всего иметь корабль, но после корабля самое важное - это пустая бутылка. Когда я лежала в колыбели, отец меня учил: "Пеппи, - говорил он, - ты можешь забыть надеть ботинки, когда тебя будут представлять

королю, но упаси тебя бог забыть пустую бутылку, когда ты собираешься потерпеть кораблекрушение. Без бутылки лучше сразу отправляться домой".

- Зачем же она нужна? - спросила Анника.

- Разве ты никогда не слышала о бутылочной почте? - в свою очередь удивилась Пеппи. - Пишут записку, просят о помощи, запечатывают в бутылку и кидают в море. И потом она попадает прямо в руки к тем, кто должен тебя спасти. А как же иначе можно спастись при кораблекрушении? Ну, как ты себе представляешь, можно ли все пустить на самотек? Ну и глупости ты болтаешь, честное слово! ^

- Да нет, теперь я поняла, - сказала Анника. Вскоре ребята увидели впереди небольшое озеро, посередине которого виднелся маленький островок. Солнце как раз выглянуло из-за облаков и обогрело молодую зелень.

- Прекрасно! - воскликнула Пеппи, - пожалуй, это самый уютный необитаемый остров, который я когда-либо видела.

Пеппи быстро спустила лодку на воду, сняла с лошади мешок и палатку и уложила все это на дно лодки. Анника, Томми и господин Нильсон уселись в лодку, а Пеппи подошла к лошади и похлопала ее по спине.

- Дорогая моя лошадь, я очень сожалею, но усадить тебя в лодку нельзя, - сказала она. - Надеюсь, ты умеешь плавать. Это ведь очень просто. Гляди, лошадь, я тебе сейчас покажу.

С этими словами Пеппи бросилась в воду прямо в платье и поплыла саженками.

- Плавать очень приятно, честное слово. А если хочешь к тому же веселиться, то можешь поиграть в кита. Вот гляди, я тебя сейчас научу.

Пеппи набрала полный рот воды, легла на спину и выпустила эту воду фонтаном. По виду лошади трудно было сказать, находила ли она эту игру забавной, но когда Пеппи прыгнула в лодку, взялась за весла и отчалила, лошадь тоже вошла в воду и поплыла. Правда, в кита играть она не стала. Когда лодка подошла совсем близко к острову, Пеппи закричала не своим голосом:

- Все к насосам!

А секунду спустя объявила:

- Борьба бесполезна! Нам придется покинуть корабль! Спасайся, кто может!

Она стала на корму и прыгнула в воду вниз головой. Вскоре она вынырнула, схватила канат и вытянула лодку на берег.

- Прежде всего я должна спасти запасы продовольствия, а потом уже займусь командой, - объяснила Пеппи и накинула канат на большой камень.

Только после этого она помогла Томми и Аннике выбраться на берег. Господин Нильсон сам выпрыгнул из лодки.

- Чудо свершилось, - воскликнула Пеппи, - мы спасены! Во всяком случае, пока мы еще не погибли и можем спастись, если на острове не окажется каннибалов или львов.

Лошадь еще в середине пути догнала лодку и теперь, выбравшись на берег, энергично отряхивалась.

- Смотрите, вот и наш штурман, он тоже спасся! - радостно воскликнула Пеппи. - Нам надо держать военный совет.

Пеппи вынула из мешка пистолет, который она когда-то нашла в деревянном матросском сундучке на чердаке своего дома, и с пистолетом в руках обошла место высадки.

- Что случилось, Пеппи? - испуганно спросила Анника.

- Мне показалось, что я слышу воинственный клич каннибалов, - объяснила Пеппи. - Что толку благополучно выбраться на берег, если нас здесь поджарят и подадут с тушеными овощами на каннибальском пиру?

Но каннибалов пока что не было видно.

- Не радуйтесь раньше времени, - предостерегла Пеппи друзей. - Они, наверно, скрылись при нашем приближении и залегли в засаде. А может, сидят в хижине и по слогам читают в поваренной книге новый рецепт жаркого, чтобы нас съесть под особым соусом, но, как только они покажутся, я им сразу объявлю, что решительно не согласна тушиться вместе с морковкой. Терпеть не могу морковку!

- Ах, Пеппи, не говори такие страшные вещи! - взмолилась Анника и вздрогнула от испуга.

- Ты что, тоже терпеть не можешь морковку? Да ты не волнуйся, мы их уговорим обойтись без морковки. Ну ладно, прежде всего нам надо разбить палатку.

Сказано - сделано. Вскоре на высоком берегу уже раскинулась палатка, Томми с Анникой тут же в нее влезли и почувствовали себя совершенно счастливыми. Вблизи палатки Пеппи сложила очаг из больших камней и быстро набрала сухих веток.

- О, как здорово, у нас будет костер! - воскликнула Анника.

- Без костра нельзя, - серьезно сказала Пеппи и, взяв две деревяшки, стала тереть их друг о друга.

Томми с огромным интересом наблюдал за ней.

- Ты что, Пеппи, собираешься добыть огонь трением, как дикари? - спросил он с восторгом.

- Да, собираюсь, вернее, собиралась, но у меня уже замерзли руки, а костер будет ничуть не хуже, если мы добудем огонь другим способом. Поищу-ка я лучше спички.

Вскоре запылал веселый огонь, и Томми сказал, что так уютно ему еще никогда не было.

Сидеть у костра очень приятно, это верно, да без него и нельзя - он удерживает диких зверей на нужном расстоянии от лагеря, - заявила Пеппи.

Анника тут же заволновалась.

- Каких еще диких зверей? - спросила она дрогнувшим голосом.

- Комаров, например, - сказала Пеппи и задумчиво почесала комариный укус на ноге. Анника с облегчением вздохнула.

- Ну и львов, конечно, тоже, - подхватила Пеппи, - но вот против питонов и американских бизонов костер бессилён.

И Пеппи деловито вытащила свой пистолет.

- Но будь спокойна, Анника, - сказала она, - с этой вот штукой нам ничто не страшно.

Пеппи сварила на костре кофе и разлила его по чашкам.

Ребята сидели вокруг костра, пили кофе, ели бутерброды и чувствовали себя очень счастливыми. Господин Нильсон примостился у Пеппи на плече и ел вместе со всеми, а лошадь время от времени тыкалась мордой кому-нибудь в спину и тут же получала ломоть хлеба или кусок сахара. А вокруг росла прекрасная сочная трава, и она могла щипать ее хоть всю ночь. Небо снова затянулось тучами, начинало смеркаться, в кустах было уже совсем темно. Анника придвинулась как можно ближе к Пеппи. Пламя отбрасывало такую причудливую тень, что казалось, окружавшая их темнота полна живых существ. Анника дрожала. Вдруг за тем деревом стоит каннибал? А может, за теми валунами притаился лев?

Пеппи поставила пустую чашку возле себя и запела хриплым голосом:

Пятнадцать человек и покойника ящик,

И-о-го-го, и в бочонке ром.

Анника задрожала еще сильнее.

- Эта песня из другой книги, которая у меня тоже есть, - горячо сказал Томми, - из книги о морских разбойниках.

- Возможно, - согласилась Пеппи, - но тогда эту книгу написал Фридольф, потому что он научил меня петь эту песню. Всякий раз, когда я стояла ночью на палубе и разглядывала звездное южное небо - Южный Крест всегда оказывался прямо над головой, - Фридольф подходил ко мне и пел:

Пятнадцать человек и покойника ящик,

И-о-го-го, и в бочонке ром, -

снова пропела Пеппи еще более хрипли.

- Пеппи, знаешь, когда ты вот так поешь, во мне что-то шевелится, - сказал Томми, - мне становится одновременно и ужасно и прекрасно.

- А мне больше ужасно, - сказала Анника, - хотя немножко прекрасно тоже.

- Когда вырасту, я буду плавать по морям, - твердо сказал Томми, - я тоже стану морским разбойником, как Пеппи.

- Прекрасно, - подхватила Пеппи. - Гроза Карибского моря- вот кем мы с тобой будем, Томми. Мы будем отбирать у всех золото, драгоценности, бриллианты, устроим тайник в каком-нибудь гроте на необитаемом острове Тихого океана, спрячем туда все наши сокровища, и охранять наш грот будут три скелета, которые мы поставим у входа. А еще мы вывесим черный флаг с изображением черепа и двух перекрещенных костей и каждый день будем петь "Пятнадцать человек и покойника ящик", да так громко, что нас услышат на обоих берегах Атлантического океана, и от нашей песни все моряки будут бледнеть и гадать, не стоит ли им тут же выброситься за борт, чтобы избежать нашей кровавой мести.

- А я? - жалобно спросила Анника. - Я ведь не хочу стать морской разбойницей. Что же я буду делать одна?

- Ты все равно будешь плавать вместе с нами, - успокоила ее Пеппи. - Ты будешь вытирать пыль с фортепьяно в кают-компани.

Костер потухал.

- Пожалуй, пора идти спать, - сказала Пеппи. Она выложила пол палатки ельником и застелила его несколькими толстыми одеялами.

- Хочешь лечь рядом со мной в палатке? - спросила Пеппи у лошади. - Или ты предпочитаешь провести ночь под деревом? Я могу накрыть тебя попоной. Ты говоришь, что тебе нездоровится всякий раз, когда ложишься в палатке? Ну что ж, пусть будет по-твоему, - сказала Пеппи и дружески похлопала лошадь по крупу.

Трое ребят и господин Нильсон лежали в палатке, укрывшись одеялами. Вода тихо плескалась о берег.

- Слушайте гул океана, - сказала Пеппи уже сонным голосом.

В палатке было темно, как в мешке, и Анника на всякий случай держала Пеппи за руку - так она чувствовала себя в большей безопасности. Пошел дождь. Капли барабанили по крыше палатки, но внутри было тепло и сухо, и шум дождя приятно убаюкивал. Пеппи выскочила из палатки, чтобы накинуть на лошадь еще одно одеяло. Лошадь стояла под деревом с очень густой кроной, так что дождь ей тоже не мешал.

- До чего же нам хорошо! - прошептал Томми, когда Пеппи вернулась.

- Еще бы! - отозвалась Пеппи. - Глядите-ка, что я нашла под камнем: три шоколадки.

Несколько минут спустя Анника уже спала, хотя рот ее был еще полон шоколада. Руку Пеппи она так и не выпустила из своей руки.

- Мы забыли почистить зубы, - сказал Томми и тоже заснул.

Когда Томми и Анника проснулись, Пеппи в палатке уже не было. Дети выглянули наружу. Солнце сияло, и Пеппи уже развела огонь: она жарила ветчину и варила кофе.

- От всей души желаю вам счастья и веселой пасхи, - сказала она, увидев Томми и Аннику.

- Да ведь пасха уже давно прошла, - сказал Томми.

- Конечно, - согласилась Пеппи, - а ты сбереги мои пожелания на будущий год.

От запаха жареной ветчины и свежего кофе разгорался аппетит. Все трое уселись вокруг костра, поджав ноги, и каждый получил по куску ветчины, залитой яйцом, и картошку. Потом они выпили кофе с пряниками. Все сошлись на том, что никогда в жизни еще не ели такого вкусного завтрака.

- Я думаю, нам куда лучше, чем Робинзону, - заявил Томми.

- Да, я тоже так думаю, а если нам еще удастся наловить рыбы к обеду, то Робинзон, боюсь, позеленеет от зависти, - заявила Пеппи.

- Фу, рыба - это гадость, терпеть не могу рыбу, - сказал Томми.

- Я тоже, - поддержала его Анника. Но Пеппи их уже не слушала. Она срезала длинную гибкую ветку, привязала к ее тонкому концу леску, согнула из булавки крючок, насадила на крючок кусочек хлеба и, закинув самодельную удочку в воду, села у самого берега на камень.

- Поглядим, что у нас получится, - сказала она.

- Что ты собираешься поймать? - поинтересовался Томми.

- Каракатицу, - ответила, не задумываясь, Пеппи. - Это лучшая в мире еда.

Пеппи просидела так целый час, но каракатица почему-то не клевала. Правда, окунь поплыл к хлебу и хотел было его схватить, но перед самым его носом Пеппи поспешно отдернула удочку.

- Нет уж, спасибо, дружок, ты мне не нужен, - сказала она, обращаясь к окуню. - Когда я говорю "каракатица", я имею в виду каракатицу, и только каракатицу. Так что ты, окунь, мотай отсюда.

Пеппи посидела еще немножко с удочкой, но каракатица почему-то не появлялась. Тогда Пеппи вскочила с камня и решительным жестом швырнула крошки хлеба в озеро.

- Вам повезло, - сказала она Томми и Аннике, - вместо рыбы нам придется есть на обед свинину и оладьи. Каракатица, я вижу, что-то сегодня заупрямилась - не хочет, чтобы ее съели.

Томми и Анника были очень рады, что рыбы не будет. Вода так заманчиво сверкала на солнце, что Томми предложил:

- Давайте купаться!

Пеппи и Анника не заставили себя долго просить. Но вода оказалась очень холодной. Ребята подошли к берегу и осторожно сунули в воду большой палец ноги. Но тут же отскочили как ошпаренные.

- Нет, так у нас ничего не получится, я найду другой способ, - сказала Пеппи.

На большой скале у самого берега росло дерево, а ветви его нависали прямо над водой. Пеппи в два счета забралась на его верхушку и привязала к ветке крепкую веревку.

- Смотрите, как надо купаться, когда холодно, - сказала она и, ухватившись за конец веревки, соскользнула по ней прямо в воду. - Сразу окунешься с головой, до чего же здорово! - завопила она вынырнув.

Томми и Аннике было сперва трудно решиться плюхнуться в воду с такой высоты, но это выглядело так заманчиво, что в конце концов они все же отважились. А стоило раз соскользнуть с веревки, как уже хотелось это делать всю жизнь, потому что скользить самому оказалось еще интереснее, чем смотреть со стороны. Господин Нильсон тоже захотел участвовать. Он очень ловко спустился вниз по веревке, но в самую последнюю минуту, когда нужно было отпустить конец и плюхаться в воду, он передумал и быстро-быстро полез вверх. Он проделал этот путь по канату много раз подряд, не решаясь прыгнуть в воду, хотя ребята понукали его и кричали, что он трус. Потом Пеппи сообразила, что можно сесть на дощечку и съехать на ней по отвесной скале прямо в воду. И это оказалось еще веселее, потому что всякий раз подымался целый фонтан брызг.

- Интересно, проводил ли Робинзон так весело время на острове? - спросила Пеппи, когда она снова забралась на скалу и уселась на дощечку, чтобы ехать вниз.

- Во всяком случае, в книге об этом ничего не написано.

- А я уверена, что ему это и в голову не пришло. Вообще все его кораблекрушение, я ручаюсь, это просто ерунда. Что же он делал целые дни на своем необитаемом острове? Может, вышивал крестиком? Эй, берегись, я поехала!

Пеппи с невообразимым плеском плюхнулась в воду, и на поверхности взметнулись только две ее рыжие косички.

Когда ребята вдоволь накупались, они решили обследовать остров. Все трое уселись на лошадь, и она ровной рысью побежала вперед. Они мчались вверх и вниз по склонам, пробирались сквозь кусты и густые заросли, скакали по болотам и по красивым зеленым лужайкам, пестрящим полевыми цветами. Пеппи держала пистолет на взводе и время от времени стреляла в воздух, и тогда лошадь от испуга вставала на дыбы.

- Я убила льва, - радостно заявляла она. Либо кричала:

- Пусть каннибал дрожит, ему от нас не уйти!

- Я хотела бы, чтобы этот остров был наш навсегда, - сказала Пеппи, когда ребята вернулись в свой лагерь и начали печь оладьи. Томми и Анника тоже этого хотели. Оладьи оказались на редкость вкусными - они дымились, и их можно было брать прямо в руки - ведь ни тарелок, ни вилок, ни ножей у них не было, и Анника спросила:

- Можно есть руками?

- Как хочешь, - ответила Пеппи, - я лично предпочитаю есть ртом.

- Да ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, - ответила Анника и, схватив рукой оладью, с наслаждением засунула ее в рот.

И снова настал вечер. Костер прогорел. Ребята опять лежали в палатке, укрытые одеялами. Мордочки их блестели от масла. Сквозь крохотное окошечко в стенке палатки видна была большая звезда. Плеск воды убаюкивал.

- Сегодня нам надо возвращаться домой, - печально сказал Томми на следующее утро.

- До чего неохота! - подхватила Анника. - Я бы провела здесь все лето. Но ведь сегодня приезжают мама и папа.

После завтрака Томми побежал к берегу. И вдруг раздался его отчаянный вопль. Лодка! Лодка исчезла! Анника была в ужасе. Как же они теперь отсюда выберутся?! Конечно, она охотно провела бы здесь все лето, но когда выяснилось, что отсюда просто нельзя выбраться, все сразу изменилось. А что скажет мама, если, вернувшись, она не найдет Томми и Аннику? И Анника начала плакать.

- Да что с тобой, Анника? - удивилась Пеппи. - Как ты себе представляла кораблекрушение? Что, по-твоему, сказал бы Робинзон, если через два дня после того, как он попал на необитаемый остров, за ним приехал бы корабль? "Милости просим, господин Крузо, мы приготовили для вас удобную каюту, мы вас спасли, к вашим услугам все удобства - ванна, парикмахерская, ресторан". Знаешь, я думаю, что он ответил бы: "Благодарю покорно". А скорее всего он просто спрятался бы за каким-нибудь кус- тиком. Если уж человеку посчастливилось попасть на необитаемый остров, то там надо прожить не меньше семи лет.

Семь лет! Анника содрогнулась, и даже Томми выглядел несколько растерянным.

- Я не думаю, правда, что мы здесь сможем остаться так долго, - спокойно продолжала Пеппи, - нам придется подать о себе весть, когда Томми вырастет и станет военнообязанным. Но года два мы здесь можем провести с чистой совестью.

Аника была просто в отчаянии. Пеппи с упреком поглядела на нее.

- Ну что ж, если ты так к этому относишься, то у нас остается один только выход - прибегнуть к бутылочной почте, - сказала она.

Пеппи подошла к мешку и вынула из него пустую бутылку. Бумагу и карандаш она, к счастью, тоже предусмотрительно захватила. Все это положила на камень перед Томми.

- Пиши, - сказала она ему, - для тебя это более привычное дело, чем для меня.

- А что я должен написать? - спросил Томми.

- Дай подумать, - сказала Пеппи. - Ты можешь написать вот так: "Спасите нас, пока мы еще живы! Без нюхательного табака мы через два дня погибнем во цвете лет на этом пустынном острове".

- Да нет, Пеппи, так нельзя писать, - укоризненно сказал Томми, - это ведь неправда.

- Почему?

- Мы не можем написать "без нюхательного табака", - настаивал на своем Томми.

- Почему это не можем? - возмутилась Пеппи. - Разве у тебя есть нюхательный табак?

- Нет, - сказал Томми.

- А может, у Анники есть табак?

- Нет, конечно, нет, но...

- Так, может, у меня есть? - не унималась Пеппи.

- Нет, ни у кого из нас нет нюхательного табака, это верно, - сказал Томми, - но ведь мы его и не употребляем.

- Ну да, именно это я и хочу сказать, Я прошу тебя написать: "Без нюхательного табака мы через два дня..."

- Но если мы так напишем, люди подумают, что нам необходим нюхательный табак, что мы без него жить не можем, в этом я уверен, - упирался Томми,

- Послушай, Томми, - сказала Пеппи, - ответь мне на один вопрос: у кого чаще нет нюхательного табака - у тех, кто его употребляет, или у тех, кто его не употребляет?

- Конечно, у тех, кто его употребляет, - ответил Томми.

- Ну так чего ты споришь? - возмутилась Пеппи. - Пиши, как я говорю.

И Томми написал: "Спасите нас, пока мы еще живы! Без нюхательного табака мы через два дня погибнем во цвете лет на этом пустынном острове".

Пеппи сложила бумажку, засунула ее в бутылку, заткнула бутылку пробкой и бросила бутылку в воду.

- Скоро появятся наши спасители, - заявила она.

Бутылку понесло течением, она покачивалась на воде, но потом ее прибило к берегу, и она застряла в корнях ольхи.

- Ее надо было закинуть подальше, - сказал Томми.

- Ты говоришь глупости, - возмутилась Пеппи, - если бы бутылку унесло далеко, наши спасители не знали бы, где нас найти. А теперь мы увидим, когда ее кто-нибудь возьмет, а если нас не заметят, то мы сможем даже закричать, так что нас очень скоро спасут.

Пеппи уселась на берег ждать спасителей.

- Лучше всего не спускать глаз с бутылки, - сказала она.

Томми и Анника уселись рядом с ней. Десять минут спустя Пеппи сердито сказала:

- Люди, видно, думают, что нам здесь делать нечего. Сколько можно сидеть у моря и ждать спасения! Это просто безобразия! Куда они все подевались?

- Кто? - спросила Анника.

- Да те, кто должен нас спасти, - ответила Пеппи. - Разве можно так безответственно и небрежно относиться к своим обязанностям, когда речь идет о человеческой жизни!

Аника решила, что они и в самом деле погибнут во цвете лет на этом острове. Но вдруг Пеппи закричала, ткнув себя указательным пальцем в лоб:

- До чего же я рассеянна! Подумать страшно! Как я могла про это забыть!

- Про что? - спросил Томми.

- Да про лодку, - ответила Пеппи. - Ведь это я сама унесла ее с берега вчера вечером, когда пошел дождь.

- Зачем же ты это сделала? - удивилась Анника.

- Я боялась, что ее зальет, - ответила Пеппи. Пеппи нашла в кустах лодку, притащила ее на берег, спустила в воду и сурово сказала:

- Ну вот. Не хватает только наших спасителей. Если они теперь заявятся, чтобы нас спасти, то понапрасну потратят свои силы, потому что мы сами себя спасем. Что ж, поделом им! Пусть это послужит им уроком - надо поторапливаться, когда речь идет о человеческой жизни.

- Как ты думаешь, мы попадем домой раньше мамы и папы? - спросила Анника, когда они сели в лодку. - А то мама будет очень беспокоиться.

- Сомневаюсь, - ответила Пеппи, энергичными взмахами весел направляя лодку к берегу.

Господин и госпожа Сеттергрэн приехали домой на полчаса раньше детей. Том ми и Анники нигде не было видно, но в почтовом ящике они нашли листок бумаги, на котором было написано:

Вы только не думайте что ваши дети умерли или прапали навсигда ани только потерпят не большая кораблекрушние и скоро вирнутца домой с преветом Пеппи

Как Пеппи принимает дорогого гостя

Как-то вечером Пеппи, Томми и Анника сидели на ступеньках террасы и ели землянику, которую они собрали утром. Вечер выдался на редкость хороший, пели птицы, благоухали цветы в саду. Все вокруг так и дышало покоем. Да к тому же у них было много-много земляники. Дети ели ягоды и лишь изредка перекидывались словами. Томми и Анника думали, как хорошо, что лето еще в разгаре, что еще долго-долго не надо ходить в школу. О чем думала Пеппи, никто не знал.

- Пеппи, ты здесь живешь уже целый год, - сказала вдруг Анника.

- Да, время бежит незаметно, начинаешь стареть, - отозвалась Пеппи. - Осенью мне стукнет десять лет - лучшие годы уже позади!

- Скажи, ты всегда будешь здесь жить? Ну, не всегда, конечно, но хоть до тех пор, пока не вырастешь и не станешь пиратом? - спросил Томми.

- Этого никто не знает, - ответила Пеппи. - Не думаю, что мой папа решил остаться на своем острове с неграми. Я уверена, что как только он смастерит себе лодку, он приедет за мной.

Томми и Анника вздохнули. И вдруг Пеппи как вихрь слетела со ступенек.

- Смотрите, а вот и он! - закричала она и указала пальцем на дорогу.

В мгновение ока Пеппи оказалась у калитки, а Томми и Анника, которые побежали за ней, увидели, как она кинулась на шею какому-то очень толстому дяде с рыжими усами, в синей форме моряка.

- Папа Эфроим! - кричала Пеппи и так энергично болтала ногами, повиснув на шее у отца, что ее огромные черные туфли свалились с ног. Папа Эфроим, как ты вырос! <

- Пеппилотта-Виктуалина-Рольгардина Эфроимовна Длинныйчулок, дорогое мое дитя! Я как раз собирался тебе сказать, что ты выросла.

- Я ждала этого, - сказала Пеппи, - поэтому я и решила тебя опередить.

- Малышка, ты такая же сильная, как была?

- Куда сильнее, - ответила Пеппи, - давай померяемся.

- Не сходя с места, - подхватил папа Эфроим. В саду стоял стол. Пеппи и ее папа тут же уселись друг против друга, уперлись локтями в стол и, сцепившись ладонями, принялись давить - кто кого поборет. Томми и Анника не сводили с них глаз. Наверное, только один человек на свете был таким же сильным, как Пеппи. Это ее папа. И теперь они сидели за столом и изо всех сил старались отжать руку другого, но ни одному из них сделать этого не удавалось. В конце концов рука капитана Длинныйчулок стала немножко дрожать, и тогда Пеппи сказала:

- Вот когда мне исполнится десять лет, я тебя обязательно поборю, папа Эфроим. Папа Эфроим тоже так думал.

- Дорогой папа, я ведь забыла вас познакомить, - спохватилась Пеппи, - это Томми и Анника, а это мой отец, капитан и его величество Эфроим Длинныйчулок - ведь правда, ты негритянский король?

- Да, это верно, я король на острове, который называется Веселия. Я попал на него, когда меня ветром сдуло с палубы, ты помнишь?

- Еще бы! Я всегда знала, что ты не утонул.

- Я? Утонул? Да что ты! Скорее верблюд пролезет через игольное ушко. Я плаваю как рыба.

Томми и Анника с изумлением глядели на капитана Длинныйчулок.

- Дядя, а почему вы не в негритянских одеждах? - спросил наконец Томми.

- Они у меня здесь, в сумке, - ответил капитан.

- Надень их, надень их, - закричала Пеппи, - я хочу увидеть своего отца в одежде короля! Все пошли на кухню. Капитан исчез на минуту

в спальне Пеппи, а ребята уселись на скамью и стали ждать.

- Точь-в-точь как в театре, - сказала Анника, полная напряженного ожидания.

И вот - пак! - распахнулась дверь, и на пороге стоял негритянский король. На нем была набедренная повязка из мочала, на голове золотая корона, на шее несколько рядов крупного жемчуга, в одной руке он держал копье, а в другой - щит. Больше на нем ничего не было, а его толстые волосатые ноги были украшены у лодыжек золотыми браслетами.

- Усомбусор-мусор-филибусор, - сказал капитан и грозно нахмурил брови.

- Ой, он говорит по-негритянски! - восторженно воскликнул Томми. - Что это значит, дядя Эфроим!

- Это значит: "Дрожите, мои враги!"

- Скажи, папа, а негры не удивились, когда ты вышел к ним на берег? - спросила Пеппи.

- Ну конечно, они сперва немного удивились, - ответил капитан, - и собирались взять меня в плен, но когда я голыми руками вырвал из земли пальму, они передумали и тут же выбрали меня королем. Так я и стал жить: по утрам правил островом, а после обеда мастерил лодку, ушло много времени, потому что мне все приходилось делать самому. Когда работа, наконец, была закончена, я объявил островитянам, что вынужден покинуть их на некоторое время, но что я непременно вернусь и привезу с собой принцессу, которую зовут Пеппилотта. И тогда они ударили в свои щиты и закричали: "Усумплюсор, усумплюсор!"

- Что это значит? - спросила Анника.

- Это значит: "Браво, браво!" Потом я очень усердно правил островом и в течение пятнадцати дней выдал столько всевозможных распоряжений, что их должно хватить на все время моего отсутствия. А потом я поднял парус и направил свою лодку в открытое море, а жители острова кричали мне вслед: "Усумкуку кусу мука!", а это значит: "Возвращайся поскорей, толстый король!" Я взял курс прямо на Сурабаю. И как вы думаете, что я увидел, когда я подплыл к пирсу? Мою старую чудесную шхуну "Попрыгунью"! А на борту стоял мой добрый верный Фридольф и что было силы махал мне рукой. "Фридольф, - сказал я ему, - теперь я снова беру на себя командование шхуной". - "Есть, капитан!" - ответил Фридольф, и я поднялся на капитанский мостик. Фридольф сохранил весь старый экипаж судна. И вот мы приплыли сюда, за тобой, Пеппи. "Попрыгунья" стоит на якоре в порту, так что ты можешь отправиться туда и приветствовать своих старых друзей.

Услышав это, Пеппи от радости вскочила на кухонный стол, сделала стойку на голове и принялась болтать ногами. Но Томми и Аннике стало грустно: было похоже на то, что от них увезут Пеппи.

- А теперь устроим праздник! - воскликнула Пеппи, когда снова встала на ноги, - Теперь мы закатим пир на весь мир!

Она накрыла на кухне стол, и все сели ужинать. Пеппи на радостях засунула себе в рот сразу три крутых яйца, да еще в скорлупе. Время от времени она слегка кусала отца за ухо - так она была счастлива, что снова его видит. Господин Нильсон, который лежал и спал, вдруг проснулся и прыгнул прямо на стол. А когда он увидел капитана Длинныйчулок, стал потешно тереть глаза от изумления.

- Я рад, что ты не рассталась с господином Нильсоном, - сказал капитан.

-, У меня есть и другие домашние животные, - заявила Пеппи и, выбежав на террасу, внесла в кухню лошадь, которая по случаю праздника тоже получила крутое яйцо.

Капитан Длинныйчулок был очень горд, что его дочь так прекрасно всем распорядилась во время его отсутствия, и рад, что у нее оказался чемодан с золотыми монетами, так что ей не пришлось терпеть никаких лишений.

Когда кончился ужин, капитан вынул из своей сумки барабан, настоящий негритянский барабан, на котором отбивают ритм во время танцев и жертвоприношений. Капитан сел на пол и начал бить в барабан. Кухню заполнили странные, гулкие, ни на что не похожие звуки - Томми и Анника таких еще никогда в жизни не слышали.

- Негритянская музыка, - объяснил Томми Аннике.

И тогда Пеппи скинула с ног свои огромные черные туфли и в одних носках принялась танцевать какой-то удивительный танец. Под конец король Эфроим исполнил дикую пляску воинов так, как ее танцевали там, на острове Веселия. Он размахивал копьем, делал какие-то причудливые движения щитом, а его пятки так усердно стучали, что Пеппи закричала:

- Сейчас под нами провалится пол.

- Неважно! - крикнул капитан и закружился в еще более бешеном ритме. Ведь теперь ты будешь негритянской принцессой, цветок моего сердца!

И тогда Пеппи подскочила к отцу и заплясала вместе с ним. Они выделявали друг перед другом такие невероятные фигуры, издавали такие странные вопли и прыгали так высоко, прямо выше головы, что в конце концов у Томми и Анники, которые не сводили с них глаз, закружилась голова. Видно, господину Нильсону тоже стало дурно, потому что он забился в угол и зажмурился.

Постепенно этот дикий танец перешел в борьбу. Капитан подкинул свою дочь, и она угодила прямо на полку с посудой. Но там она просидела недолго. С диким криком прыгнула Пеппи через всю кухню прямо на папу Эфроима, схватила его за плечи и так пихнула головой вперед, что он, как метеор, пронесся под потолком и через открытую дверь угодил прямо в чулан. Поленица рухнула, дрова завалили его толстые ноги, и он никак не мог выбраться: уж очень он был тучен, да к тому же сотрясаясь от смеха.

Его хохот звучал как раскаты грома. Пеппи потянула отца за пятки, чтобы помочь ему, но он захохотал еще пуще, так что стал задыхаться: оказыва- ется, он очень боялся щекотки.

- Не щекочи меня, - стонал он, - лучше кинь меня в море или вышвырни через окно. Делай что хочешь, но только не щекочи меня!

Капитан смеялся так, что Томми и Анника испугались: не рухнет ли дом? В конце концов ему все же удалось выбраться из чулана и встать на ноги. Даже не передохнув, он тут же кинулся на Пеппи и швырнул ее на другой конец кухни. Она упала лицом прямо на плиту и измазалась сажей.

- Ха-ха-ха, вот вам и настоящая негритянская принцесса, - радостно закричала Пеппи и повернула ставшее черным как уголь лицо к Томми и Аннике.

Потом,она издала еще один вопль и кинулась на отца, схватила его и стала кружить с такой силой, что браслеты его зазвенели, а золотая корона упала на пол и закатилась под стол. В конце концов Пеппи удалось повалить капитана на пол. Она села на него верхом и спросила:

- Живота или смерти?

- Живота! Живота! - задыхаясь, крикнул капитан Длинныйчулок, и они снова принялись хохотать, а потом Пеппи слегка укусила его за нос.

- Я ни разу так не веселился с тех пор, как мы с тобой выставляли пьяных матросов из кабачка в Сингапуре! - сказал капитан и полез под стол за своей короной. - Вот бы сейчас посмотрели на меня мои подданные: их величество лежит под столом на кухне.

Капитан надел корону на голову и стал расчесывать мочало своей набедренной повязки - она сильно поредела после игры с дочкой.

- Боюсь, папа, тебе придется отдать ее в художественную штопку, - сказала Пеппи.

- Пожалуй, это уже не поможет, - сокрушенно заметил капитан.

Он сел на пол и вытер пот со лба.

- Пеппи, дитя мое, ты так же хорошо врешь, как прежде? - спросил он.

- Когда у меня есть время, папа, но это нечасто случается, к сожалению, - скромно ответила Пеппи. - А у тебя как обстоит дело с враньем? Ты ведь тоже был большой мастер по этой части.

- Своим подданным я обычно вру по субботам в награду за усердную работу в течение всей недели. Мы устраиваем вечера вранья под барабан, а потом танцы и факельные шествия. И знаешь, чем больше я вру, тем вдохновеннее они бьют в барабаны.

- У меня, папа, дело обстоит хуже: моему вранью никто не аккомпанирует. Я хожу по дому одна-одинешенька и вру сама себе, но, правда, с таким удовольствием, что даже слушать приятно. Вот недавно, перед тем как заснуть, я наврала себе про теленка, который умел плести кружева и лазить на деревья, и получилось так здорово, что я поверила каждому слову. Да, это называется навратья всласть! И все-таки никто при этом не играет на барабане.

- Не огорчайся, дочка, ври всласть, а на барабане буду играть я, - сказал капитан Длинныйчулок, тут же схватил барабанные палочки, и великолепная дробь чуть не оглушила детей. Он лупил в барабан в честь своей дочери, а Пеппи забралась к нему на колени и прижалась вымазанной сажей щекой к его подбородку, который тут же стал черным.

Анника сидела в углу и о чем-то сосредоточенно думала.

Она никак не могла решить, вежливо ли будет, если она выскажет то, что не дает ей покоя.

- Врать - плохо, - сказала она наконец, собравшись с духом. - так говорит наша мама.

- До чего же ты глупа, Анника, - сказал Томми-- Ведь Пеппи врет не по-настоящему, а понарошке. Она просто сочиняет всякие сказки, и все. Неужели ты этого не понимаешь?

Пеппи задумчиво поглядела на Томми.

- Из тебя, Томми, наверно, выйдет великий человек, - сказала она. - Ты так умно рассуждаешь.

Наступил вечер. Томми и Аннике надо было идти домой. Они провели великолепный день, так интересно было увидеть настоящего негритянского короля. А какое это было счастье для Пеппи вновь найти своего папу! И все же... и все же...

Томми и Анника уже лежали в своих постелях, но они не болтали как обычно. В детской царил полная тишина. И вдруг послышался вздох. На этот раз вздохнула Анника.

- Чего это ты развздыхалась, - раздраженно сказал Томми, - только спать мешаешь.

Но Анника не ответила. Она лежала, накрывшись с головой одеялом, и плакала.

Как Пеппи устраивает прощальный пир

Когда на следующее утро Томми и Анника вошли через кухонную дверь в виллу, они услышали чудовищный храп, разносившийся по всему дому. Капитан Длинныйчулок еще спал. Но Пеппи уже стояла посреди кухни и делала зарядку.

. - Ну вот, теперь мое будущее обеспечено, - заявила она, прерывая очередное упражнение. - Теперь я наверняка буду негритянской принцессой. Полгода я буду принцессой, а полгода - морским волком: мы с папой на "Попрыгунье" избороздим все моря и океаны. Папа считает, что если очень усердно править на острове полгода, то другое полугодие подданные прекрасно обойдутся без короля. Вы ведь сами понимаете, что старому морскому волку необходимо время от времени постоять на капитанском мостике. Да и обо мне отец тоже должен подумать. Какая из меня получится морская разбойница, если я буду жить только во дворце? Папа говорит, что от такой жизни легко стать неженкой.

- Так ты насовсем отсюда уедешь? - робко спросил Томми.

- Нет, почему же? Вот когда стану пенсионеркой, обязательно опять здесь поселюсь, - возразила Пеппи. - Когда мне стукнет лет пятьдесят

или там шестьдесят. Вот тогда мы с вами будем играть и веселиться, слышите!

Но ни Томми, ни Аннику это обещание не утешало.

- Подумать только - негритянская принцесса! - мечтательно проговорила Пеппи. - Нечасто девочки вдруг становятся негритянскими принцессами. О, какая я буду удивительная, какая нарядная! В ушах кольца, и в носу тоже огромное кольцо.

- А что на тебе будет надето?

- Ничего, ровным счетом ничего! Но ко мне будет приставлен специальный человек, который каждое утро будет мазать меня ваксой, так что я стану такой же черной и блестящей, как все негритята. Надо только не забывать выставлять себя каждый вечер за дверью хижины рядом с башмаками, тогда по утрам меня будут чистить вместе с ними.

Томми и Анника попытались представить себе, как будет выглядеть Пеппи, начищенная до блеска черной ваксой.

- Ты думаешь, черный цвет пойдет к твоим рыжим волосам? - с сомнением в голосе спросила Анника.

- Поживем - увидим! - беспечно ответила Пеппи. - А если не понравится, выкрашу волосы в зеленый цвет. - Пеппи все больше вдохновлялась. - Принцесса Пеппилотта!

Какая жизнь! Какой блеск! Как я буду танцевать! Принцесса Пеппилотта танцует при свете костра под бой бараба- нов! Представляете себе, как будут греметь мои кольца в ушах и носу!

- А когда... Когда ты отправишься в путь? - спросил Томми дрогнувшим голосом.

- "Попрыгунья" снимется с якоря завтра утром, - сказала Пеппи.

Все трое довольно долго молчали. Как-то вдруг оказалось, что им больше нечего сказать друг другу. В конце концов Пеппи заявила, перескакивая на новую тему:

- Но сегодня вечером я устраиваю прощальный пир. Прощальный пир - больше я вам ничего не скажу. Все, кто хочет со мной проститься, - милости просим!

Пеппи Длинныйчулок уезжает. Вечером она устраивает в своем домике прощальный пир и приглашает всех, кто хочет с ней проститься!

Эта весть в мгновение ока распространилась среди детворы городка. Многие ребята захотели проститься с Пеппи - тридцать четыре человека, а может быть, и больше. Томми и Анника получили от своей мамы разрешение вернуться домой, когда захотят, - мама сама понимала, что в этот день иначе и быть не может.

Томми и Анника никогда не забудут прощальный пир Пеппи. Вечер выдался на редкость теплый и тихий, такой, про который говорят: "Какой прекрасный летний вечер!"

Розы в саду пламенели в сумерках, воздух был напоен ароматом цветов, а деревья таинственно шелестели от каждого дуновения ветра. Все было бы так удивительно прекрасно, если бы не... Томми и Анника не хотели додумать этой мысли до конца.

Дети, отправляясь к Пеппи, прихватили свои дудки, и теперь они строем шли по дороге и весело дудели. Шествие возглавляли Томми и Анника. Когда они подошли к ступенькам террасы, дверь распахнулась и появилась Пеппи, глаза ее сияли, а лицо, покрытое веснушками, расплылось в веселой улыбке.

- Добро пожаловать в мое скромное жилище! - сказала она, гостеприимно приглашая всех войти.

Аника глядела на Пеппи так пристально, словно навсегда хотела запомнить ее облик. Никогда, никогда она не забудет, как Пеппи стояла в тот вечер на пороге своего домика - торчащие в стороны рыжие косички, веснушки, веселая улыбка и огромные черные туфли.

До ребят донеслась глухая барабанная дробь - на кухне сидел капитан Длинныйчулок, зажав между коленей негритянский барабан. Одет он был как и положено негритянскому королю. - Пеппи специально попросила его об этом, она ведь

понимала, что всем ребятам очень захочется поглядеть на живого негритянского короля.

И верно, ребята тут же набились в кухню и обступили короля Эфроима со всех сторон и принялись его разглядывать. "Хорошо, что не пришло еще больше ребят, а то бы негде было поместиться", - подумала Анника, но в тот же миг в саду заиграла гармонь, и в дверях кухни появился весь экипаж "Попрыгуньи" во главе с Фридольфом - это он играл на гармонии. Оказалось, что днем Пеппи успела сбегать в порт, встретиться со своими старыми друзьями и всех их пригласить на прощальный пир. Увидев Фридольфа, она кинулась ему на шею и так сильно обняла, что бедняга весь посинел. Тогда Пеппи выпустила его из объятий и закричала:

- Музыку! Музыку!

Фридольф заиграл на гармонии, король Эфроим забил в свой барабан, а все дети дудели в свои ДУДКИ.

Дверь в чулан была приоткрыта, и там виднелась целая батарея бутылок с лимонадом. На большом кухонном столе стояло пятнадцать тортов со взбитыми сливками, а на плите кипел котел, полный колбасами.

Король Эфроим первый схватил кусок колбасы. Это послужило сигналом для всех, ребята последовали его примеру, и вскоре все звуки на кухне заглушило дружное чавканье. Потом каждый получил столько кусков торта и столько лимонада, сколько хотел. В кухне было очень тесно, и общество вскоре разбрелось: кто на террасу, кто в сад.

Когда все наелись до отвала, Томми предложил во что-нибудь поиграть. Например, в "Зеркало Джона". Пеппи не знала, как в это играют, но Томми объяснил ей, что кто-нибудь должен быть Джоном и что-нибудь делать, а остальные - повторять за Джоном все его движения.

- Прекрасно, - сказала Пеппи, - совсем не глупая игра. Я буду водить.

Став Джоном, она прежде всего полезла на крышу сарая. Для этого надо было сперва забраться на забор сада, а оттуда можно было на животе переползти на крышу. Пеппи, Томми и Анника столько раз это проделывали, что для них это не составляло никакого труда, но для других ребят это показалось очень трудным. Зато матросы с "Попрыгуньи", привыкшие лазить на мачты, с легкостью справились с этой задачей. А вот капитан их был настолько толст, что для него это было делом нелегким. А кроме того, мочало набедренной повязки за все цеплялось. Все же он забрался на крышу сарая, но, правда, долго после этого не мог отдышаться.

- Эту набедренную повязку я окончательно загубил, - сказал мрачно капитан Длинныйчулок.

С крыши сарая Пеппи спрыгнула на землю. Многие ребята, особенно те, кто был поменьше, конечно, не решились этого сделать, но Фридольф помог им спуститься - он был очень добрый. Потом Пеппи шесть раз перекувырнулась на траве, и все принялись кувыркаться, но капитан сказал:

- Тебе придется, дочка, подтолкнуть меня сзади, иначе мне не перекувырнуться.

Так Пеппи и сделала. Но она не рассчитала своих сил и так толкнула своего папу, что он покатился кубарем и никак не мог остановиться: вместо шести раз он перекувырнулся четырнадцать раз!

Затем Пеппи помчалась к дому, взлетела по ступенькам на террасу, тут же вылезла назад через окно, затем на животе проползла к стремянке, которая была прислонена к стене. По стремянке она ловко взобралась на крышу, пробежала по ее гребешку, спрыгнула на трубу, поджала ногу и закукарекала как заправский петух, а потом перепрыгнула на дерево, которое росло перед домом, опустилась по стволу на землю, побежала в дровяной сарай, схватила топор, вырубил в стене доску, пролезла сквозь эту узкую щель в сад, вскочила на забор, с трудом удерживая равновесие, прошла по нему метров пятьдесят, взобралась на дуб и на самой его верхушке уселась отдыхать.

На дороге перед домиком Пеппи собралась большая толпа любопытных. Эти люди потом всем рассказывали, что видели негритянского короля, который, стоя на одной ноге на трубе, громко кричал "кукареку", но им, конечно, никто не поверил.

Когда капитан Длинныйчулок пролезал в щель в стене сарая, случилось то, что не могло не случиться: он застрял и не мог двинуться ни вперед, ни назад. Все дети бросили игру и собрались у сарая, чтобы поглядеть, как Фридольф вытаскивает капитана из стены.

- Жалко, это была очень веселая игра, - с довольным видом сказал капитан, когда ему, наконец, удалось высвободиться. - А чем мы теперь займемся?

- А ну, капитан, - сказал Фридольф. - померьтесь силой с Пеппи, нам так хотелось бы на это поглядеть.

- Отличная мысль! - воскликнул капитан. - Но вот беда - моя дочь становится сильнее меня. Томми стоял возле Пеппи.

- Пеппи, - шепнул он, - когда ты была Джоном, я очень боялся, что ты полезешь в дупло нашего дуба. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал про наш тайник, даже если никогда больше не придется туда лазать.

- Нет, что ты, это будет наш секрет! - успокоила его Пеппи.

Отец Пеппи взял железный лом и согнул его пополам, словно он был из воска. Пеппи взяла другой лом и проделала то же самое.

- Такими вещами, папа, я забавлялась, когда лежала еще в колыбели, - сказала она. - чтобы хоть как-нибудь скоротать время.

Тогда капитан снял с петель кухонную дверь и положил ее на землю. Фридольф и семь других матросов встали на дверь, а капитан поднял ее и десять раз пронес вокруг лужайки.

Тем временем уже совсем стемнело, и Пеппи зажгла несколько факелов - волшебным дрожащим светом озарили они все вокруг.

- Теперь я! - крикнула Пеппи, когда отец опустил дверь с матросами на землю.

Пеппи поставила на дверь лошадь, усадила Фридольфа и еще трех матросов, они взяли к себе на колени по двое детей каждый, причем Фридольф выбрал Томми и Аннику. Когда все заняли свои места, Пеппи легко подняла дверь и пробежала с ней вокруг лужайки двадцать пять раз. Это зрелище при свете факелов было совершенно необычным.

- Да, дочь моя, - сказал капитан, - ты действительно сильнее меня.

Все сели на лужайку, Фридольф заиграл на гармонии, а матросы стали петь свои прекрасные песни. Потом дети танцевали под музыку, и Пеппи, схватив два факела, танцевала азартнее всех.

Праздник кончился фейерверком. Пеппи стреляла из ракетницы, по небу рассыпались огни, и получались удивительные фигуры всех цветов радуги. Гремели выстрелы ракетницы, трещали разрывающиеся ракеты. Анника сидела на террасе и глядела на небо, озаренное пестрыми вспышками - это было очень интересно и красиво. Роз она в темноте различить не могла, но ночной воздух был насыщен их благоуханием. Все было очень хорошо, даже просто волшебно, если бы... если бы не... Аннике казалось, что какая-то ледяная рука схватила ее за сердце. Что будет завтра? И все каникулы? И вообще всегда? В вилле "Курица" больше не будет Пеппи, и господина Нильсона тоже не будет, и на террасе не будет стоять лошадь. Они не будут ездить верхом, не будут ходить с Пеппи на экскурсии, не будут вместе проводить вечера на кухне, не будут лазить на дуб, на котором растут бутылки лимонада. Впрочем, дуб, конечно, останется, но Анника смутно понимала, что с отъездом Пеппи там перестанут расти бутылки лимонада. Что они с Томми будут завтра делать? Играть в крокет? Каждый день играть в крокет? Анника горько вздохнула.

Пир был окончен. Все дети, поблагодарив хозяйку, попрощались и разошлись. Капитан Длинныйчулок отправился со своими матросами на "Попрыгунью". Он считал, что и Пеппи должна пойти с ним. Но Пеппи сказала, что хочет провести эту последнюю ночь в своем домике.

- Завтра ровно в десять утра мы поднимем якорь, смотри не опаздывай! - крикнул капитан уже с дороги.

И вот Пеппи, Томми и Анника остались одни. Они сели на ступеньки терраске и долго молчали.

- Вы можете приходить сюда и играть здесь, - прервала наконец молчание Пеппи. - Я повешу ключ на гвоздь за дверью. Вы можете брать все, что лежит в ящиках моего секретера. И я поставлю стремянку к дубу, чтобы вы могли и без меня на него взбираться. Боюсь, правда, что бутылки лимонада на нем расти не будут - год выдался неурожайный.

- Нет, Пеппи, - серьезно сказал Томми, - мы никогда больше сюда не придем.

- Никогда, никогда, - подхватила Анника и подумала, как тяжело ей будет проходить мимо домика Пеппи. Вилла "Курица" без Пеппи - это и представить себе было невозможно, и снова Анника почувствовала, что ее сердце сжимает холодная рука.

Как Пеппи отправляется в плавание

Пеппи тщательно заперла дверь своего домика, а ключ, как обещала, повесила на гвоздь за дверью. Потом она снесла с террасы лошадь - в последний раз сносила она ее с террасы! Господин Нильсон уже сидел на ее плече, и вид был у него растерянный. Он прекрасно понимал, что происходит что-то серьезное.

- Пожалуй, все готово, больше делать нечего, - сказала Пеппи. Томми и Анника кивнули. И в самом деле, все было готово.

- Еще много времени, - сказала Пеппи, - пойдемте пешком, чтобы не приходить слишком рано.

Томми и Анника снова молча кивнули, и все они двинулись в город. В порт. Туда, где стояла "Попрыгунья". Лошадь трусила рядом с ними.

Пеппи бросила прощальный взгляд на виллу "Курица".

- Милая развалюха, - сказала она, - блох в ней нет, и вообще жить там было прекрасно. Не знаю, смогу ли я это сказать о негритянской хижине, где мне теперь придется поселиться.

Томми и Анника по-прежнему молчали.

- Если в моей хижине будет много блох, - продолжала Пеппи, - то я начну их дрессировать. Я помещу их в коробку из-под папирос, а по вечерам буду с ними играть в "Последняя пара, беги". Может быть, мне даже удастся повязать им на лапки

бантики. А двух самых верных и милых блох я назову "Томми" и "Анника". И они будут спать со мной в постели.

Но и после этого рассказа Томми и Анника продолжали молчать.

- Что это на вас нашло? - рассердилась Пеппи. - Имейте в виду, что молчать так долго просто опасно. Если язык не двигается, он быстро вянет. В Калькутте я встретила однажды одного кафельщика, он все молчал и молчал. И вот с ним случилось то, чего не могло не случиться. Как-то раз он должен был мне сказать: "Прощай, милая Пеппи, счастливого тебе пути, благодарю тебя за время, которое мы провели вместе!" А теперь угадайте, что случилось? Он попытался выговорить эту фразу, но не смог, лицо его исказилось в страшной гримасе, потому что все косточки челюсти заржавели, и мне пришлось смазать его машинным маслом. И тогда рот его открылся и он с трудом пролепетал: "У бу у му". Я поглядела ему в рот, и знаете, что я увидела? Язык, похожий на увядший лист! И до самой смерти он, бедняга, не смог произнести ничего, кроме "У бу у му". Будет очень печально, если с вами случится то же самое. Попробуйте, пока не поздно, быть может, вам еще удастся выговорить: "Счастливого пути, милая Пеппи, спасибо за то время, которое мы провели вместе!" Ну, попробуйте!

- Счастливого пути, милая Пеппи, спасибо за то время, которое мы провели вместе, - печально сказали Томми и Анника

- Какое счастье, прямо гора с плеч свалилась, - воскликнула Пеппи, - вы меня так испугали! Если бы у вас получилось "У бу у му", я бы просто не знала, что делать.

Тем временем они добрались до порта. "Попрыгунья" стояла на якоре. Капитан Длинныйчулок отдавал с мостика последние приказания. Матросы так и сновали взад-вперед по палубе. На причале собрались почти все жители этого маленького городка, чтобы попрощаться с Пеппи. И вот появилась она сама, в сопровождении Томми, Анники, лошади и господина Нильсона.

- Идет Пеппи Длинныйчулок! Пропустите Пеппи! - раздавались голоса в толпе, и все расступались, чтобы пропустить Пеппи.

Пеппи раскланивалась и кивала. Потом она взяла на руки лошадь и понесла ее по сходням. Несчастное животное недоверчиво озиралось по сторонам, потому что ему уже давно не приходилось ступать на палубу корабля.

- Ну вот и ты, мое дорогое дитя! - воскликнул капитан Длинныйчулок и перестал на мгновение выкрикивать команды, чтобы обнять Пеппи. Он прижал дочку к груди, и они стали похлопывать друг друга по спине так, что кости затрещали.

Все утро Анника ходила с каким-то комком в горле. А когда она увидела, как Пеппи понесла на "Попрыгунью" лошадь, комок разошелся, и она заплакала, уткнувшись в старый ящик, который стоял на причале. Сперва она плакала тихо, но постепенно ее плач перешел в громкие всхлипывания.

- Не реви! - раздраженно сказал Томми. - Стыдно перед людьми.

Но от этих слов Анника заревела пуще прежнего. Она плакала так сильно, что стала даже икать. Томми в сердцах пнул ногой камень, он покатился по причалу в воду. Собственно говоря, ему очень хотелось бросить этот камень в "По прыгунью". Эта отвратительная шхуна увозит Пеппи! Честно говоря, если бы не люди вокруг, Томми тоже, наверное, заревел бы, но он не мог себе этого позволить. Поэтому он и пнул камень.

Пеппи сбежала со сходен и подошла к Томми и Аннике. Она взяла их за руки и сказала:

- Осталось десять минут.

Анника, услышав это, еще крепче прижалась к ящику и ревела так, что, глядя на нее, сердце разрывалось. Томми не нашел больше камня, чтобы пнуть его ногой, поэтому ему не оставалось ничего другого, как покрепче стиснуть зубы. Вид у него был весьма мрачный.

Пеппи окружили ребята - все дети этого города пришли ее провожать. Они захватили с собой дудки и играли теперь прощальный марш. Однако звучал он не весело, а очень-очень печально. Анника так рыдала, что едва стояла на ногах; Тут Томми вспомнил, что он сочинил стихи в честь Пеппи. Он вынул из кармана бумажку и прочел по ней:

Дорогая наша Пеппи,

Уезжая в дальний край,

Про друзей, что оставляешь,

Никогда не забывай!

Твои верные друзья -

Это Анника и я.

- Прекрасно! Как все складно! - воскликнула Пеппи, очень довольная стихами. - Я выучу их наизусть и по вечерам, сидя у костра, буду читать жителям острова.

Со всех сторон теснились ребята, чтобы попрощаться с Пеппи. Пеппи молча жала руки и кланялась. И вдруг она заговорила.

- Ребята, - сказала она, - отныне я буду играть только с маленькими негритятами. Во что мы будем играть- я еще не знаю. Быть может,

будем бегать наперегонки с удавами и ездить верхом на слонах или качаться на качелях под пальмами. Я надеюсь, что мы придумаем какие-нибудь очень интересные игры.

Пеппи сделала паузу. Томми и Анника почувствовали, что уже готовы возненавидеть этих негрятят, которые будут играть с Пеппи.

- Но, - продолжала Пеппи, - быть может, настанет день, скучный день в сезон дождей, когда нам надоест прыгать раздетыми под дождем, а ничего другого для забавы не сумеем придумать. И тогда мы залезем в мою хижину, и кто-нибудь из негрятят обязательно скажет: "Пеппи, расскажи нам что-нибудь!" И тогда я расскажу им о маленьком городке, который находится далеко-далеко, в другой части света, и о белых детях, которые там живут! Вы не можете себе представить, скажу я негрятят, какие прекрасные дети там живут. Они великолепно умеют дудеть в дудки, а главное - они знают помножение. И тогда негрятята очень огорчатся, что сами не знают помножения, и будут горько плакать, и мне придется срочно придумать для них какое-нибудь очень веселое занятие, чтобы их утешить. И тогда я разломаю стенку своей хижины, размочу под дождем глину, и мы будем лепить пряники, а потом перемажемся глиной с головы до пят. Я надеюсь, что в конце концов мне удастся их как-нибудь утешить. А теперь спасибо вам всем и прощайте!

Ребята снова задудели в свои дудки, и получился мотив еще более печальный, чем в первый раз.

- Пеппи, подымайся на борт, уже пора! - крикнул капитан Длинныйчулок.

- Иду, иду, капитан.

Она обернулась к Томми и Аннике и поглядела на них.

"Что-то у Пеппи странные глаза, - подумал Томми, - точь-в-точь такие, какие были у мамы, когда я тяжело заболел".

Пеппи обняла Аннику.

- Прощай, Анника, прощай! - прошептала она. - Не плачь!

Аника обхватила Пеппи за шею и издала какой-то жалобный стон.

- Прощай, Пеппи, - чуть слышно проговорила она.

Потом Пеппи крепко пожала руку Томми и бросилась к сходням.

У Томми по носу скатилась большая слеза. Он что было сил стискивал зубы, но это перестало помогать. Вот выкатилась и вторая. Тогда он взял Аннику за руку, и они

стояли и глядели на Пеппи. Она замахала им с палубы, но они ее едва видели, потому что глаза их были полны слез.

- Да здравствует Пеппи Длинныйчулок! - кричала толпа на причале.

- Поднять трап! - скомандовал капитан.

Фридольф выполнил команду. "Попрыгунья" была готова к отплытию. Но тут...

- Нет, папа Эфроим! - воскликнула вдруг Пеппи. - Так не годится! Я не согласна!

- С чем ты не согласна, дочь моя? - удивился капитан.

- Я не согласна с тем, чтобы хоть кто-нибудь на свете плакал из-за меня и чувствовал бы себя несчастным. И уж, во всяком случае, я не согласна, чтобы это были Томми и Анника. Ставьте трап назад. Я останусь жить в вилле "Курила".

Капитан Длинныйчулок долго молчал.

- Ты можешь поступать как хочешь, - сказал он в конце концов. - Ты всегда так поступала. Пеппи кивнула в подтверждение.

- Да, верно, я всегда так поступала. Пеппи стала прощаться со своим папой. Они обняли друг друга так крепко, что снова затрещали кости. И договорились, что капитан часто, очень часто будет навещать Пеппи в ее домике.

- И вообще, папа Эфроим, разве ты не считаешь, что ребенку лучше вести оседлую жизнь, (гметь свой дом, чем бороздить моря и океаны и жить в негритянской хижине?)

- Ты, как всегда, права, дочь моя, - согласился капитан. - Конечно, здесь ты ведешь размеренную жизнь, и это тебе не удастся, если будешь плавать со мной. А для маленьких детей очень важно вести размеренную жизнь.

- Вот именно, - подхватила Пеппи. - Для маленьких детей совершенно необходимо, чтобы жизнь шла по заведенному порядку, а главное, чтобы этот порядок завели они сами!

Пеппи попрощалась со всеми матросами экипажа и еще раз обняла папу Эфроима. Потом она снова схватила стоя лошадь и донесла ее вниз по трапу. "Попрыгунья" подняла якорь. В самую последнюю секунду капитан вспомнил, что забыл очень важную вещь.

- Пеппи, - закричал он, - боюсь, что у тебя осталось мало золотых монет! Держи-ка!

И он кинул с палубы отчалившего корабля новый чемодан, набитый золотом. Но он не рассчитал, "Попрыгунья" уже успела далеко отойти от причала, и чемодан упал в воду.

Плем! Шепот пробежал по толпе. Но тут снова послышалось - плем! Это Пеппи бросилась в воду и тут же вынырнула, держа в зубах чемодан. Она вылезла на причал и рукой смахнула водоросли, которые застряли в ее волосах.

- Что ж, весьма кстати, а то мой чемодан был уже почти пуст.

Только Томми и Анника все никак не могли понять, что же произошло. Они стояли разинув рты и глядели то на Пеппи, то на лошадь, то на господина Нильсона и на чемодан, то на "Попрыгунью", которая, подняв все паруса, уходила вдаль.

- Ты, ты... ты осталась? - спросил, наконец, неуверенно Томми.

- Как будто, - ответила Пеппи и принялась выжимать свои рыжие косички.

Потом она посадила на лошадь Томми, Аннику и господина Нильсона, водрузила на нее чемодан и села сама.

- Поехали домой! - крикнула она звонким голосом.

Тут только Томми и Анника поняли, что произошло. Томми был так счастлив, что запел свою любимую песню:

Шагают шведские солдаты...

Аника так много плакала, что никак не могла успокоиться. Она непрерывно вздыхала, но теперь уже от счастья. Пеппи обхватила ее обеими руками, и Аника чувствовала себя в полной безопасности. Как все было прекрасно!

- Что мы сегодня будем делать, Пеппи? - спросила Аника, когда перестала вздыхать.

- Ясное дело, играть в крокет, - ответила Пеппи.

- Очень хорошо, - обрадовалась Аника, потому что знала, что с Пеппи даже играть в крокет не скучно.

- А может быть... - предложила Пеппи. Все дети, провожавшие Пеппи, побежали за лошадью, чтобы услышать, что Пеппи скажет.

А может быть, - продолжала она, - мы отправимся к речке и будем ходить по воде.

- Нельзя ходить по воде, - возразил Томми.

- Напрасно ты так думаешь. На Кубе я как-то встретила одного рыбака, который...

Лошадь побежала галопом, дети отстали и так и не услышали рассказ про рыбака, который... Но они долго стояли и глядели вслед Пеппи и ее лошади, во весь опор

мчавшейся в сторону виллы "Курица". Под конец они видели только стремительно удаляющуюся точку, а потом исчезла и она.